

КАЙ МАЙЕР

ВРЕМЯ
БИБЛИОМАНТОВ

КНИГА КРОВИ

Время библиомантов

Кай Майер

Время библиомантов. Книга крови

«Робинс»

2015

УДК 821.112.2-312.9
ББК 84(4Гем)

Майер К.

Время библиомантов. Книга крови / К. Майер — «Робинс»,
2015 — (Время библиомантов)

ISBN 978-5-4366-0509-8

Санктуарий разрушен, однако миру библиомантов угрожает новая опасность. В золотом сиянии между страницами мира угрожающие клубятся идеи, поглощающие одно убежище за другим. Не сразу Фурия осознаёт, что она одна в состоянии предотвратить катастрофу. Однако за спасение целого мира придётся заплатить высокую цену. Сможет ли она сделать это?

УДК 821.112.2-312.9
ББК 84(4Гем)

ISBN 978-5-4366-0509-8

© Майер К., 2015
© Робинс, 2015

Содержание

От переводчика	6
Часть первая	7
Глава первая	7
Глава вторая	12
Глава третья	17
Глава четвёртая	25
Глава пятая	30
Глава шестая	34
Глава седьмая	39
Глава восьмая	43
Глава девятая	49
Глава десятая	57
Глава одиннадцатая	60
Конец ознакомительного фрагмента.	61

Кай Майер
Время библиомантов
Книга крови

Трилогия

Книга третья

Все права защищены. Любое копирование разрешено только с письменного согласия правообладателей

Перевод с немецкого Татьяны Лавровой

Original published as: Kai Meyer «Die Seiten der Welt. Blutbuch»

© 2015 by Kai Meyer For German edition © 2017 S. Fisher Verlag GmbH, Frankfurt am Main

© ООО «Издательство Робинс», перевод, издание на русском языке, 2018

* * *

От переводчика

...Идея куда-то сбежать, когда тебе все до смерти надоели, существует давным-давно. Идея сбежать в другой мир и пережить в нём волшебные приключения – тоже. Взять хотя бы ребят из книжного цикла Клайва Льюиса про Нарнию. Собственно, в основе книг, написанных в жанре фэнтези, и лежит мысль создать на книжных страницах такой мир, чтобы в него захотелось сбежать.

Однако есть писатели, которые этой целью и ограничиваются. Великое множество авторов сочиняют фэнтези для того, чтобы вдоволь наиграться в эльфов, фей и единорогов, а в центре чтобы был персонаж, похожий на самого автора, но самый умный, самый красивый, самый везучий, этакая Мэри Сью.

Когда мне в руки попала книга Кая Майера, я сначала решила, что он того же поля ягода. И ошиблась.

Последняя часть трилогии о книжном волшебстве – это книга, простите за выспренность, о самопожертвовании. Причём не о картонном самопожертвовании, которое без раздумий совершают персонажи плохого фэнтези. Идея о том, что те или иные действия человека могут угрожать жизням других людей, – пусть даже это будут действия от чистого сердца, простикие из желания сделать как лучше, – приходит к главной героине трилогии Фурии Саламандре Ферфакс исподволь, не сразу. Ей требуется время, чтобы увидеть логику событий (хотя эта логика достаточно очевидна) и чтобы принять эту идею, потому что принять её сложно. Не сразу приходит и готовность переступить через себя и тем самым подарить другим надежду на спокойную и счастливую жизнь. В мире библиомантики, как и в реальном мире, нет гарантий на хороший конец. Но мир библиомантики, как и реальный мир, в конечном итоге справедлив, и поэтому судьба вознаграждает Фурию.

Заключительная часть трилогии о книжном волшебстве – это книга о праве на жизнь. О том, что право на жизнь имеют все существа, даже если они уродливы, необразованны, верят во всякую чушь и даже говорить-то толком не умеют. В отличие от многих других персонажей, Фурия не делает разницы между чернильными поганками, экслибрами и обычными людьми: все они живые, и, следовательно, никем из них нельзя жертвовать.

И наконец, последняя часть трилогии о книжном волшебстве – это книга в книге. Один из любимых мною моментов третьего тома – момент, когда Рашель Химмель, персонаж несгибаемый и жестокий, но, несомненно, живой и симпатичный автору, пройдя через зеркало, оказывается в нашем с вами мире и беседует с Каем Майером собственной персоной. И Кай Майер говорит: «Зибенштерн создал библиомантику, написав соответствующую книгу. А я создал Зибенштерна, написав роман о нём. И кто знает, возможно, кто-то таким же образом создал меня, – если представить, что кто-то сидит и сочиняет, как я тут разглагольствую». Идея эта, конечно же, не нова. Однако Майер подаёт её нам с нового ракурса. Возможно, сейчас, в эту минуту, кто-то, захватив фонарик под одеяло (или, в нашей нынешней реальности, закачав книгу на читалку или планшет), затаив дыхание следит за нашими приключениями так же, как мы следим за приключениями Рашель и Фурии. И завидует нам, какая у нас умопомрачительно интересная жизнь. Вот бы попасть туда!..

И значит, возможно, нам не стоит мечтать оказаться в той или иной любимой книге.

Мы уже в ней.

Приятного чтения, друзья мои!

Татьяна Лаврова,
переводчик этой книги

Часть первая Корабли-порталы

Глава первая

В пустом зале витали призраки книг. Аромат самих книг давно уже улетучился, однако отзвуки записанных в них историй по-прежнему заполняли пространство между голыми стенами.

В бывшем читальном зале Британского музея не было ни души, когда внезапно на одной из галерей, опоясывавших пространство над круглым залом, появились мужчина и женщина. На мгновение, равное взмаху ресниц, в их глазах словно бы отразился нездешний золотой закат.

Из�다 взялась за металлические перила.

– Как тут высоко! – бодрым голосом сказала она, пытаясь скрыть слабость и дрожь в теле. Ей не хотелось, чтобы спутник заметил, что она чувствует себя так плохо.

Дункан взглянул через перила вниз. Он не мог не беспокоиться за Изиду, потому что видел её насквозь. В своё время у них обоих прекрасно получалось обманывать окружающих и скрывать то, что было необходимо. Тайны. Однако сейчас, стоило им встретиться взглядами, все попытки ввести друг друга в заблуждение разбивались вдребезги. Они читали друг друга, как открытую книгу.

Когда-то библиотечные шкафы громоздились в зале в три этажа, однако с тех пор, как национальную библиотеку перевели из музея в другой район Лондона, шкафы канули в Лету, а купольный зал во внутреннем дворике музея опустел и обезлюдел. Одно время здесь устраивались выставки, однако сейчас двери зала были закрыты, а внутри было темно и пусто.

Через высокие окна в барабане купола на стены зала проникал свет фонарей, освещавших музейный двор, – неверный жёлтый отблеск, теряющийся в темноте бывшей библиотеки. Другая сторона огромного полукружия купола тонула во мраке. Даже если там кто-то прятался, увидеть человека на таком расстоянии было невозможно.

– Тут никого нет, – заметил Дункан, чьи мысли в очередной раз текли параллельно мыслям Изиды.

– Я знаю. – Изода чувствовала себя слабее обычного, хотя и не до такой степени, чтобы не распознать присутствие чужака.

Даже сейчас, спустя многие годы после того, как отсюда вывезли книги, воздух зала всё ещё был буквально пропитан библиоманткой. Тому было несколько причин, и главная из них скрывалась глубоко под полом зала, где были тайно погребены его создатели.

Книга, которой Изода и Дункан воспользовались для того, чтобы попасть в бывшую библиотеку, уже растворилась в воздухе. Вероятно, исчезла и её книга-близнец, давным-давно спрятанная в тайнике, в стене зала, вместе со многими другими. О тайнике знала лишь горсточка посвящённых, главным образом агенты Адамантовой Академии.

После разрушения Санктуария прошло всего несколько дней. Мир библиомантов бурлил от возбуждения. У так называемого *Комитета систематического перехода*, взявшего на себя функции правительства, было полно хлопот: нужно было упрочить свои позиции и утвердить Рашиль Химмель в качестве нового представителя Академии.

Кроме того, над миром библиомантов по-прежнему нависала угроза: *идеи*, появлявшиеся из золотой бездны между страницами мира и уничтожавшие одно убежище за другим, никуда не делись. Они ещё не добрались до убежищ высшего ранга, таких как Либрополис или Уника,

однако в провинциях множились слухи о паническом бегстве людей. Способа задержать распространение губительных *идей* пока не избрёл никто.

Дункан облокотился о перила и снова заглянул вниз, в полутьму. Они с Изидой находились на более высокой из двух галерей.

– Не нравится мне всё это. Если Аттик побывал здесь, у него должна была быть для этого веская причина. А это, в свою очередь, означает, что, скорее всего, в зале расставлены ловушки, препятствующие проникновению библиомантов.

Аттик Арбогаст, злой враг мятежников, стоявший во главе агентов Академии, был учителем Дункана и Изиды в лицее Ле Карре. Во времена битвы в Санктуарии он пал от руки Дункана. Только вчера Изиде наконец удалось связаться с одним из её лицейских информантов и узнать, что вплоть до последнего времени Аттик по крупице собирали сведения о столкновениях библиомантов с *идеями*. Один из следов привёл его сюда, в Британский музей, в книжный тайник под читальным залом.

Как и Дункан, Изида обшаривала взглядом зал в поисках признаков возможных опасностей. До конца исключить вероятность того, что информант попросту заманил их в ловушку, было невозможно. По собственному горькому опыту Изида знала, что после любого переворота единомышленники отсеивались один за другим. Возможно, люди, презиравшие власть Трёх родов, будут безоглядно преданы новому Комитету. Кроме того, никто пока не понял, что за роль будет играть Рашиль Химмель и не вызовут ли её юность и смазливое лицо симпатии тех, кто только что оказался у власти.

Изида на мгновение задержала взгляд на Дункане. Каштановые волосы спадали ему на плечи, лицо обрамляла короткая густая борода. Изиде показалось, что щёки Дункана за последние несколько дней ввалились ещё больше. И она с ужасом поняла, что у них с Дунканом практически не было времени на то, чтобы перекусить и отдохнуть. Сама она не чувствовала голода с тех пор, как зависимость от Абсолоновой книги бросила тень на её образ мыслей. Изида ощущала угрызения совести: Дункан вёл себя самоотверженно, подчиняя свои потребности её собственным. Ей захотелось протянуть руку и погладить его лицо, но она боялась, что он может понять её превратно – принять её желание за попытку обманом отобрать у него Абсолонову книгу. Сама мысль о том, что Дункан может решить, что её недуг довёл её до такого состояния, вгоняла Изиду в краску до такой степени, что ей было легче вовсе отказаться от попыток сближения.

Они прибыли в Лондон этой ночью с целью собрать сведения об *идеях* – загадочной опасности, таившейся между страницами мира. Во времена разрушения Санктуария *идеи* поглотили Фурию – Фурию Саламандру Ферфакс, последнего библиоманта из рода Розенкрайцев. А ей только что исполнилось шестнадцать. Она пропала несколько дней назад. Возможно, навсегда.

Однако Изида не хотела смиряться с этой мыслью. Чтобы найти Фурию или получить достоверные сведения о её судьбе, она была готова на всё. Причём времени для этого оставалось всё меньше: через четыре, самое позднее – через пять недель зависимость от Абсолоновой книги окончательно возмёт над ней верх и погубит её. Уже сейчас Изида ощущала, как недуг высасывает из неё силы и неумолимо отравляет разум. В состоянии помутнения рассудка желание открыть Абсолонову книгу и погрузиться в неё с головой становилось непреодолимым. В моменты, когда Изида была способна мыслить ясно, ей приходилось признать, что она едва может контролировать себя, и ловила себя на том, что бросает злобные взгляды на Дункана, хранившего у себя Абсолонову книгу. Пару раз Изида готова была вырвать у него книгу любой ценой, забыв и о судьбе Фурии, и о мятежниках, и о чувствах, которые к Дункану когда-то питала она сама.

– Давай уже разберёмся с тем, за чем мы пришли, и как можно скорее, – сказала Изида. – Чем быстрее мы отсюда уберёмся, тем лучше.

Дункан кивнул:

– Тогда вперёд!

Они медленно спустились с галереи в купольный зал по узкой лестнице. В своё время учёные со всех уголков земного шара съезжались сюда, чтобы поработать с книгами Британской библиотеки. Давным-давно за одним из пюпитров (которые, как и вся остальная мебель, уже давно были вывезены) Карл Маркс создавал свой «Капитал». При свете дня купол библиотеки представлял собой истинное произведение искусства: кремовые тона, небесно-голубые вставки, золотая лепнина. Сейчас, в сумерках, тени от выпуклых узоров сплетались на потолке, образуя многослойную паутину.

На восточной стороне зала Изида приложила ладони к стене. Всем своим существом она ощущала, что на протяжении полутора веков здесь жили книги, – они стояли на полках, которые, будучи выстроены в единую линию, тянулись на много километров. Оттого, что времена изменились и книги покинули своё обиталище, к горлу подкатывал комок. Любая покинутая библиотека дышала грустью, которая пронизывала балки и перекрытия здания так же, как запах гари сохраняется на пожарище в закоулках здания спустя годы. В этом же зале витали отзвуки большой литературы, её слабое эхо, которое Изида услышала сразу же, оказавшись здесь.

Молодая женщина закрыла глаза и попыталась сосредоточиться на невидимом водовороте слов, который кружил вдоль стен зала и, вероятно, будет кружить по нему до скончания времён. Сосредоточение было сродни увеличительному стеклу. Перед внутренним взором женщины стали проступать буквы, среди которых она осторожно, словно ощупью, начала искать то, что могло бы указать на Аттику или на артефакты библиомантов, – неприметные знаки, сравнимые с отпечатками пальцев. Она обнаружила множество таких знаков на отдельных буквах. Изида убедилась в том, что не пропустила ни одного, вычленила нужные буквы из водоворота и мысленно сложила из них слово-разгадку. Когда разгадка оказалась у неё перед глазами, Изида заметила, что стена перед ними меняет форму: в ней открылся мерцающий прямоугольник высотой в человеческий рост, за которым виднелся тайный проход.

Изида махнула рукой Дункану, чтобы тот следовал за ней, и тут только поняла, что он не заметил, что происходило с ней. Умение управлять силой, которой она обладала, будучи экслибрай из рода Зибенштернов, постепенно становилось непроизвольным – настолько непривычным, что она забыла: Дункан, хотя и талантливый библиомант, не обладал и десятой частью её способностей.

– Как это у тебя получилось?! – недоумевающее спросил Дункан, указывая на отверстие в стене. Он не видел ни буквенного водоворота, ни слова, открывающего проход.

– Защита, которой ты опасался. Я её выключила, – объяснила Изида, борясь с подступающим головокружением.

– Так просто – выключила, и всё?..

– Ну, не совсем уж так просто… – Она слабо улыбнулась.

Сквозь изумление Дункана проступало беспокойство.

– А если бы ты не…

– Вероятно, мы всё равно смогли бы открыть проход, но далеко вряд ли продвинулись бы. – Изида указала на тёмный прямоугольник. – Те, кто сделал его, были осторожны. И кроме того, тот, кому удалось сообщить Аттику слово-разгадку, наверняка сильно из-за этого пострадал.

Эклибра заметила, что Дункан не смотрит ей в глаза, а, как загипnotизированный, уставился на её рот. Она непроизвольно провела тыльной стороной левой руки по верхней губе и увидела кровь.

– У тебя часто идёт носом кровь? – озабоченно спросил Дункан.

– Нет, даже насморка не бывает.

Вероятно, кровотечение указывало на то, как быстро Изида теряет силы. Нет, не силу *библиоманта*, а обычные силы человеческого тела. Рано или поздно её организм не выдержит чрезмерного напряжения. В голове экслибры пронеслась мысль: когда это произойдёт, сколько ей останется жить? Возможно, Дункан знал ответ на этот вопрос... Но Изиде не хотелось снова начинать с ним спор о её зависимости от Абсолоновых книг.

– Дай мне книгу, – попросила она. И тихо добавила: – Пожалуйста.

Дункан бросил взгляд на часы на своём запястье и покачал головой:

– Через пять часов.

Неужели он не понимал, что при книжной зависимости и привыкании к Абсолону временные промежутки сокращались?

– Она нужна мне прямо сейчас!

– Скоро тебе вообще ничего больше не будет нужно! Поэтому и говорят: зависимость.

Дункан слегка сгруппировался, как будто готовясь отразить нападение. Он не хотел, чтобы Изида заметила это, – благое, но совершенно бессмысленное намерение.

Взгляд Изиды перекочевал на сумку, в которой Дункан носил книгу в тёмно-синем холщовом переплете, и её сердце забилось чаще. Книга была совсем рядом. Ей нужно было только запустить руку в сумку, раскрыть книгу и прочесть слова, написанные Александром Абсолоном больше столетия назад. Сохранились только три Абсолоновы книги. Местонахождение остальных двух было неизвестно. Экземпляр Дункана был для Изиды единственной надеждой.

– Отдай! – теперь уже потребовала она.

В голове мелькнула мысль, словно бы не принадлежащая ей, – приложить его хорошенъко головой об стену, зарыться носом в книгу и читать её столько, сколько захочется. Она сядет на пол и будет глотать слова Абсолона одно за другим. До утра дочитает книгу до конца, а потом начнёт перечитывать...

– Изида!

Это был не голос Дункана, а девичий голос.

– Фурия? – Изида завертела головой: да, это она, девушка среднего роста, с длинными светлыми волосами, падавшими поверх чёрной кожаной куртки. Короткая серая юбка, бордово-красные колготки, разодранные в клочья, и массивные чёрные ботинки. Именно так – так, как Фурия не одевалась никогда, – она была одета во время битвы в Санктуарии.

– Изида! – повторила Фурия и протянула к ней руку. Её изображение мерцало, кожа как будто сияла изнутри.

Изида вновь обернулась к Дункану и заметила, что он открыл свою сердечную книгу – ровно настолько, чтобы заложить палец между страницами. Из щели лился свет, и Изида поняла, что у него на уме.

– Ты действительно думаешь, что это могло бы?..

И умолкла, потому что до неё дошло: уловка Дункана уже сработала. Призрак Фурии, сотворённый Дунканом, на несколько секунд отвлёк её от мыслей про Абсолонову книгу. На нынешней, ранней, стадии зависимости этого было достаточно. Изида всё ещё чувствовала влечение к Дункану, но её воля вновь окрепла настолько, чтобы побороть его. Во всяком случае, на какое-то время.

Дункан закрыл свою сердечную книгу. Свет, падавший из неё, погас. Когда Изида обернулась, призрак Фурии уже исчез.

– Извини, – сказал Дункан.

– Нет, это ты меня извини.

Какое-то время она избегала смотреть на него, однако потом всё же выпрямилась и взглянула ему в лицо. Одновременно она шагнула к нему и осторожно коснулась рукой его щеки. Если Дункан и подумал, что это могла быть уловка для того, чтобы вырвать у него книгу, он скрыл эту мысль, улыбнувшись.

Изода была серьёзна, серьёзна как никогда.

– Без тебя... – начала она и не договорила.

– Я не допущу, чтобы эта пакость взяла над тобой верх! – прошептал он. Как будто Абсолонова книга была диким зверем, на которого Дункан собирался обрушиться, если тот приблизится к Изоде.

Дункан накрыл своей ладонью ладонь Изоды. Его пальцы были тёплыми, её – холодными как лёд.

– Пошли разберёмся с этим, – произнесла она.

Давным-давно они были влюблены, потом расстались и смогли пережить горечь расставания, не убив друг друга. Можно было надеяться, что им удастся выйти живыми и из этой истории.

Через плечо Изоды Дункан бросил взгляд на отверстие в стене, скжали губы и кивнул. Его тёмные брови озабоченно сошлись на переносице. Он наклонился и поцеловал Изоду в лоб. Экслибра не помнила, когда кто-то в последний раз так прикасался к ней. Она настолько отвыкла от этого, что в первый момент даже испугалась. Под чёрным плащом с капюшоном её стало познавливать, когда она вспомнила о том, что неизбежно надвигалось на них. Сердца в её груди бились не так, как бьётся обычное сердце. Если бы она раскрыла страницы, прятавшиеся за молнией куртки, свет наверняка залил бы весь читальный зал. Но пока перед закрытыми дверями дежурила служба безопасности музея, лучше было этого не делать.

Прежде чем Изода успела что-то сказать, Дункан улыбнулся ей и направился к проёму. Его сердечной книгой был затрёпанный роман с треснувшей обложкой о приключениях Джеймса Бонда, и сейчас молодой человек раскрыл его, разгладив пальцем разворот. Серебристое сияние осветило тайный проход. В глубине показалась лестница.

Навстречу им запрыгала хрупкая пожелтевшая птичка-оригами. Она с трудом преодолела расстояние до края верхней ступеньки, не удержалась на гладкой поверхности и упала вниз.

Ударившись об пол, птичка разлетелась в пыль.

Глава вторая

Ночь казалась бесконечной. Ветер, дувший в лицо, пах серой. То тут, то там в разрывах тёмных туч сверкали зарницы, освещая красно-коричневую бурлящую массу, как будто кто-то открыл дверцу доменной печи. Однако жарко не было. Наоборот, зуб на зуб не попадал.

Фурия карабкалась вверх по нагромождениям застывшей лавы, усталая и измождённая. Каждая её косточка ныла. На ней были широкие камуфляжные штаны и серый свитер, который был ей слишком велик. Ей выдали их по прибытии в ночное убежище. В пещерном бункере Федры вся одежда, – а также многое другое, увиденное Фурией, – была когда-то подобрана на полях сражений и отвратительно пахла. Приблизительно как бинты, снятые с мумии.

Каждые несколько шагов Фурия останавливалась, чтобы посмотреть, поспевает ли за ней Зибенштерн. Он опирался на свой посох, для которого старику всё сложнее становилось находить точку опоры среди бесконечных ям. Её спутник уверял, что помочь ему не требуется. Девочка размышляла, отклонял ли он именно *её* помочь или просто слишком много времени провёл в одиночестве – здесь, вочных убежищах, и до этого, на вилле Анжелосанто, в которой он отгораживался от мира целых полтора года, – и поэтому привык рассчитывать только на себя.

Порывы ветра трепали чёрный дождевик старика и часто забрасывали длинные седые волосы, собранные в хвост и выбившиеся из-под воротника, через плечо ему на грудь. Когда пряди волос падали на лицо и мешали смотреть, старики изрыгал проклятия.

– Может, скажешь наконец, что нам тут понадобилось? – повысила голос Фурия, перекрикивая рёв бури и дальние раскаты грома на горизонте.

То, что она вначале приняла за грозовой фронт, закрывающий небо, оказалось совсем не грозой, теперь она ясно видела это. *Идеи* уже давно добрались доочных убежищ и «обгладывали» их края. В недалёком будущем они поглотят и долину, в которой укрылись тысячи чернильных поганок.

– Сейчас увидишь, – ответил старики. – Ты обязательно должна узнать всё. Всю правду.

Неужели? Фурия не верила, что старики беспокоился именно о ней. А если и беспокоился, то скорее о *своей собственной* правде, о том, что он сам считал таковой, о том, во что хотел заставить поверить и её. Фурия безуспешно искала в его морщинистом лице черты юноши, которого она когда-то знала, Северина Розенкрайца, её последнего предка, оставшегося в живых. В своё время он написал множество книг и вызвал к жизни мир библиомантов. Теперь же, почти двести лет спустя, о бурной молодости Зибенштерна напоминали лишь его глаза, зорко следившие за каждым движением девочки.

Старики настоял на том, чтобы Фурия вместе с ним поднялась на этот горный хребет, хотя было очевидно, что подъём давался ему с трудом. Возможно, Фурия правильно сделала, что не стала ему отказывать. И возможно, он действительно чувствовал себя перед ней в долгу и хотел рассказать ей что-то похожее на правду. Или хотя бы объяснение всему происходящему.

Они молча продолжали восхождение по пересечённому расселинами хребту, переступая через трещины, обдирая колени и щиколотки об острые камни. Один раз они спугнули тощего кролика, одного из тех, что в изобилии водились в этих местах, – костлявые, странно сложенные зверьки. Вочных убежищах кролики тоже мутировали – дёбма, в Котсуолде, фермер с ружьём пустился бы бежать без оглядки, завидев такое уродливое создание.

С самого начала своего пребывания здесь Фурия много раз пыталась открыть ворота в другое убежище – безрезультатно. После её исчезновения библиоманты Адамантовой Академии запечатали убежища, и у Фурии не хватало сил сломить заклятие.

– Ты мне не доверяешь, – заметил Зибенштерн, шедший позади неё. – И я могу тебя понять. Но так случилось, что мы оказались здесь вдвоём и больше нам не на кого поло-

житься – ни тебе, ни мне. Посреди всего этого светопреставления нам придётся держаться вместе.

Голос старика ничем не напоминал голос молодого Северина Розенкрайца, когда-то писавшего ей романтические письма. Северин превратился в Зибенштерна, разочарованного творца библиомантии, отгородившегося от мира и с горечью осознавшего неизбежность конца. Его главное детище, его рывок к абсолютной свободе в итоге стал его же темницей.

Когда до вершины хребта оставалось всего несколько шагов, Фурия остановилась и снова обернулась к своему спутнику.

– Светопреставление, да? – Она протянула руку в направлении тёмной бурлящей массы на горизонте. – Это ты называешь светопреставлением?

– Изо всех нас тебе можно опасаться *идей* меньше всего, – возразил Зибенштерн. – Они уже отпустили тебя однажды и отпустят снова.

– Что ты знаешь про них, если так уверен в этом?

Старик пожал плечами:

– Я слишком стар, чтобы подвергать сомнению факты. Они проглотили тебя, а потом выплюнули. Разве это не доказательство?

– С ума сойти, как мне повезло! – Фурии не понравился собственный сарказм, с которым она широким жестом указала на потрескавшуюся бесплодную пустыню вокруг. – Если бы я умерла во время гибели Санктуария, хуже места мне бы не досталось.

Кряхтя, Зибенштерн наконец нагнал её.

– Тебя бы просто *стёрли*. Ты бы перестала существовать. Ни рая, ни ада не существует. Не существует даже понятия «ничто». Конец – это действительно конец. Наши мысли и воспоминания, всё то, чем мы когда-то были, просто пропадают. Именно поэтому мы не в состоянии представить себе, *как* это бывает. Это за пределами наших возможностей.

Представление о посмертном небытии действительно пугало Фурию, но она не хотела показывать это Зибенштерну.

– Раньше беседовать с тобой было веселее.

– Раньше у меня была надежда.

– О господи, Северин! – Фурия таращилась на него чуть дольше, чем обычно, потом покачала головой и продолжила восхождение.

Внезапно на них посыпался град из угольной крошки – посыпался и тут же закончился. Такие странные вещи в этой проклятой Богом местности происходили постоянно, и Фурия считала, что название «Забытые земли» было прямо-таки комплиментом по сравнению с фактическим положением дел вочных убежищах.

В любом случае муттировать, как чернильные поганки и кролики, она не успеет: в ближайшем будущем *идеи* уничтожат этот край.

Фурия не могла не думать о младшем брате Пипе и остальных обитателях имения, в том числе об экслибре, полагавшем себя Джимом Хокинсом, главным героем романа Роберта Льюиса Стивенсона «Остров Сокровищ», одной из её любимых книг. Раньше, когда девочка слышала о том, что читательницы влюблялись в книжных персонажей, она считала это глупым ребячеством, теперь же замечала, что сама тратит кучу времени, сравнивая Джима из романа с Джимом, которого встретила в Санктуарии. Про персонаж она помнила всё – роман Стивенсона читала раз двадцать, – а вот живой мальчик, встреченный ею, оставался для неё загадкой. Фурия успела обменяться с ним всего парой слов, однако не могла отделаться от ощущения, что знала его давно и хорошо. Она вспоминала его смелость и решительность, его наивное желание сразу же довериться людям, которые использовали его во имя собственного блага. В романе Джим купился на лесть одногоного пирата Джона Сильвера, а после того как выпал из книги – на притворную симпатию баронессы Химмель.

Фурии казалось, что она знает Джима, *не будучи* знакомой с ним. Это был примерно такой же идиотизм, как, например, прогулка с Зибенштерном по этой бесплодной пустыне. Может быть, в её истории стариk тоже играл роль Джона Сильвера, демона-искусителя, чьим уговорам она не могла противостоять, несмотря на доводы рассудка.

Наконец они добрались до вершины. Фурия обернулась и протянула своему спутнику руку, чтобы помочь ему перебраться через последнюю трещину. Такие трещины на самом деле были стыками плит, из которых были сделаны ночные убежища, – стыками, которые, словно неправильно подобранные кусочки пазла, не совпадали друг с другом.

– Не волнуйся, – произнёс Зибенштерн, заметив опасливую осторожность, с которой она смотрела на трещину. – Эта часть ночных убежищ относительно надёжна.

– Я слышала, что плиты постоянно движутся.

– Во всех остальных местах – да, а здесь – нет.

Фурия бросила взгляд вниз, в долину, из которой они поднялись сюда. Практически всё обширное пространство, местами даже захватывая склоны гор, занимал лагерь чернильных поганок – целое море палаток и покосившихся от ветра загородок размером с небольшой город. Между хлопающими на ветру палатками и причудливыми постройками из разнообразного материала, оставшегося в убежищах после войны, мерцали огоньки костров.

Жилище Федры, в котором Фурия пришла в себя после встречи с *идеями*, располагалось около горного склона и представляло собой старый блиндаж с потрескавшимися стенами и земляным полом. Война закончилась около сорока лет назад, однако вещи, пережившие войну, выглядели гораздо старше. Губительный климат Забытых земель ускорял распад – это касалось как живой, так и неживой природы, а также рукотворных предметов.

– Ты *ещё* не бывала в лагере? – спросил Зибенштерн. На самом деле он сам не *хуже* Фурии мог ответить на этот вопрос: с момента появления девочки в приюте и до настоящего момента он не спускал с неё глаз.

Фурия покачала головой:

– Федра не разрешала.

– А я-то думал, что запрет только раззадорит тебя спуститься.

– Возможно, мне так и следует поступить. Пока *ещё* есть время.

Зибенштерн махнул рукой:

– Существуют вещи и поважнее!

Фурия действительно думала, что стариk потащил её наверх, чтобы с высоты показать ей лагерь – во всём масштабе и во всей неприглядности нужды, в которой прозябали чернильные поганки. Костры в долине освещали лишь малую часть обширного поселения. Над палаточным городом, словно дырявое чёрное одеяло, раскинулась вечная темень мира ночных убежищ. Там, внизу, жизнь бессмысленно копошилась, словно в гигантском муравейнике, с различных концов которого доносился ритмичный стук барабанов. Чернильные поганки всё время устраивали какие-то свои странные церемонии и исполняли не менее странные обряды.

Зибенштерн загородил Фурии вид в долину:

– Обернись.

Колеблясь, она последовала его указанию и взглянула с горного хребта вперёд, в соседнюю низину. Сначала её глаза могли разобрать в темноте только какие-то смутные силуэты, словно бы вырезанные ножницами. Она не смогла определить, что это. Потом в небе снова полыхнули зарницы, и их ослепительные вспышки осветили картину, которую Фурия меньше всего ожидала увидеть.

С другой стороны хребта лежал остов затонувшего колёсного парохода. Во всяком случае, в первый момент она подумала именно так, прежде чем поняла, что судно, лежавшее внизу, во много раз превосходило по размерам пароходы, неспешно плававшие по Миссисипи на страницах «Приключений Тома Сойера» Марка Твена. В неверном свете проблесков молний

было практически невозможно определить реальные размеры корабля, но Фурия не сомневалась, что длина остова составляла несколько сот метров – практически современный круизный лайнер!

– Тут раньше был водоём? – спросила она.

– Разве что потоки после дождей и гроз. Самое большее – ручей. Река здесь точно никогда не протекала.

– Но этому великану нужно море! В крайнем случае – огромное озеро.

– Только если предположить, что это обычный корабль, а также допустить, что его строили именно для этих мест.

– Он из другого убежища? А как он попал сюда – с неба свалился, что ли?

Старик кивнул.

– Давай подойдём поближе.

– Это, что ли, и есть план Федры? – поинтересовалась Фурия, не трогаясь с места. – Неужели она и вправду собирается увезти чернильных поганок отсюда на этой куче металломата?

– Нет. Но кое-что в этой куче металломата поможет им существовать здесь относительно комфортно. Во всяком случае, до появления *идей*.

На солидном расстоянии от них и примерно на сто метров выше корабля по склону холма тянулась цепочка огней. Чьи-то силуэты двигались в отсветах пламени или неподвижно сидели на границе света и тьмы. По краям лагеря Федра расставила посты из чернильных поганок.

– Не волнуйся, – сказал Зибенштерн. – Они нас пропустят.

Прошло немало времени, прежде чем девочка и старик, лавируя в лабиринте ям и каменных нагромождений, добрались до часовых. Зибенштерн шёл впереди, и Фурии бросилось в глаза, что, несмотря на пройденный нелёгкий путь, старик выпрямился и теперь держал свой посох не как костьль, а как символ власти.

Отблески костров плясали на лицах чернильных поганок, бросая резкие тени на их карикатурные физиономии. Их кожа была покрыта иссиня-чёрными пятнами и орнаментами, которым эти существа и были обязаны своим прозвищем. Троє мужчин у костра, к которому подошли Фурия и Зибенштерн, были не старше тридцати лет; они принадлежали к поколению поганок, родившихся уже здесь, вочных убежищах. Очевидно, эти мужчины получили приказ выполнять распоряжения Зибенштерна. Прадеды их были экслибрами, водворёнными сюда Академией. Пагубное воздействие Страны забвения изменило их облик за несколько лет. Многие потеряли рассудок. Только следующее поколение экслибров смирилось со своей участью и создало здесь, вочных убежищах, подобие первобытных племён.

За несколько недель с того дня, когда шпионы Федры подобрали Зибенштерна и привели к ней, он, можно сказать, сделал блестящую карьеру: от отверженного, обречённого на смерть, до советника богини. В конце концов, когда-то он и сам был богом – создателем мира библиомантов.

Фурия чувствовала за своей спиной любопытные взгляды чернильных поганок, проходя мимо них вместе с Зибенштерном. Один из них произнёс что-то на языке, напоминавшем староанглийский. Гортань и дыхательные пути поганок срослись, поэтому они говорили со странным акцентом.

Часовые остались позади, когда Фурия и Зибенштерн направились к кораблю. Всполохи зарниц вновь на мгновение осветили потерпевшего крушение колосса, однако их света хватало только на то, чтобы составить самое общее впечатление о корабле. Полуразбитое колесо с лопастями, высокое, словно башня, прислонённое к корпусу судна, с близкого расстояния было совсем не похоже на колесо обычного старинного парохода. Вместо деревянных или стальных спиц здесь находились тонкие пластины, похожие на пластинки шляпки гриба. Все они были разодраны и колыхались на ветру, позывая к себе.

– Это что, бумага? – недоверчиво спросила Фурия, бросив взгляд на гигантское колесо.

– Да, это бумага, только необычная, – ответил Зибенштерн. – Когда эти колёса ещё вертелись, получалось нечто вроде «карманного кино». Знаешь, когда на листке блокнота рисуют картинки, а потом быстро листают блокнот, то картинки как будто движутся. Эти пластины были исписаны буквами, и когда пароход прибавлял скорость, то лопасти обоих колёс начинали вращаться быстрее и буквы и символы оживали.

Фурия остановилась. Когда Зибенштерн обернулся к ней, остов корабля снова осветился ослепительно-белыми зарницами, быстро вспыхнувшими одна за другой. Массивный силуэт, казалось, заслонял полнеба.

– Что это за громадина? – задала очередной вопрос Фурия.

Зибенштерн понимающе улыбнулся: на её месте он бы тоже сгорал от любопытства.

– Это один из двух кораблей-порталов, которые построил твой дед Кассий Ферфакс. – Он отступил в сторону и взмахнул рукой, словно капитан, приветствующий важного пассажира. – Добро пожаловать на борт «Флёр де Мари»!

Глава третья

Оказавшись у подножия каменной лестницы, Изида и Дункан попали в коридор, медленно заворачивавший вправо. Чёрный поворотный выключатель скрипел, но не хотел вращаться. Изида провозилась с ним довольно долго, пока он в конце концов не сработал. Электрические лампочки, висевшие под потолком на проводах, вспыхнули, – точнее, вспыхнули некоторые из них, едва ли половина. Проводка была проложена поверх стены из старого кирпича, изоляция крошилась, уже через несколько метров через неё просвечивала проволока.

– По крайней мере, ток есть, – заметил Дункан. – Осторожно, не задень головой лампочки!

Изида указала на качающиеся лампы:

– Тебе это ничего не напоминает?

– Библиотеку в подвале имения?

Она кивнула и добавила:

– Здесь строили те же архитекторы.

– Ферфаксы?! – изумлённо спросил он. – Я думал, они прожили всё это время отшельниками в Котсулде.

– Только последние несколько поколений. Изначально они чувствовали себя в безопасности, так как не предполагали, что кто-то свяжет фамилию Ферфакс с выжившими отпрысками рода Розенкрайцев. Дальний предок Фурии покинул Германию как Юлиус Розенкрайц, а много лет спустя в Лондоне принимал участие в строительстве библиотеки уже как Джулиан Ферфакс. Все, кто имел отношение к библиотеке, входили в подпольное братство «Ша нуар», и прежде всего заведующий Британской библиотекой Антонио Паницци и архитектор Сидни Смирк. И конечно же Джулиан Ферфакс.

– Подпольное братство мятежников «Ша нуар»? – переспросила Фурия.

– Верно. Изначально они только высказывали критику в адрес «Алого зала» и Адамантовой Академии – одарённые ораторы, выступавшие, когда Три рода ещё не подавляли каждое слово, направленное против них. В середине девятнадцатого века под их руководством здесь, во внутреннем дворике Британского музея, был возведён этот купол, но никто не подозревал, что библиотека была не единственной постройкой, находившейся в подвале под ним. В первые годы это было неизвестно даже Академии. Тайна библиотеки выплыла наружу только через пятьдесят-шестьдесят лет, когда в «Ша нуар» пришло следующее поколение членов братства. Джулиан, его сын Август и позднее его внук Кассий тоже входили в его состав. Они не принимали активного участия в Сопротивлении, как братья-барды, даже Академия не называла бы их террористами. Они ничего не взрывали и никого не убивали, а просто открыто защищали своё мнение и ставили под сомнение политику Академии.

Изида двинулась дальше. Днём раньше она с большой неохотой сменила корсаж на куртку из чёрного бархата, которая сейчас была надета на ней под плащом с капюшоном. Если ей понадобится немедленно открыть книгу, спрятанную в её груди, достаточно будет расстегнуть молнию вместо того, чтобы долго возиться со шнурковкой. Экслибра не любила расставаться со старыми привычками, но даже ей было ясно, что от секунд, потраченных на расшнуровку корсажа, могла зависеть её жизнь.

– Позднее, по мере того как действия Академии всё более напоминали диктатуру, деятельность «Ша нуар» стала затухать, – рассказывала Изида. – Лишь небольшая часть его членов продолжала появляться на людях – безвредный ораторский клуб, не более. Об остальных, а в их число входили и Ферфаксы, было слышно всё меньше и меньше. Во времена Кассия, в середине двадцатого века, они и совсем пропали из поля зрения.

Проход становился уже и всё больше забирал вправо. По всей видимости, он имел форму широкой спирали, заканчивавшейся под центром библиотеки.

Ещё две птички-оригами проползли по каменному полу, из последних сил докарабкавшись до стен прохода. Хотя здесь, внизу, хватало книжной пыли, которой питались оригами, бумага, из которой были сделаны птички, пожелтела и потрескалась настолько, что от одного неосторожного движения они могли рассыпаться в прах.

– Если братство «Ша нуар» не представляло опасности для Академии, – спросил Дункан, – что тогда произошло в саду Дюма? Ты же там была?

Из�다 не любила, когда ей напоминали о происшествиях в убежище под названием сад Дюма, особенно с тех пор, как она сражалась на стороне мятежников. Мгновение она медлила с ответом.

– На смену старику пришло новое поколение «Ша нуар», – наконец продолжила она. – Некоторые действительно были потомками основателей общества, но большинство из них являлись просто молодыми радикалами, присвоившими известное название. Они были недостаточно умны для того, чтобы продолжить толочь воду в ступе в кабинетах. Они расклеивали свои плакаты на стенах сада Дюма, писали лозунги на здании Академии, пару раз устраивали разборки с полицией – и, возможно, это был самый серьёзный их проступок, – публиковали книги со своими обвинениями. Три рода недолго с ними миндалевничали. Они поручили Аттику навести порядок.

– И он послал туда тебя.

Из�다 снова замолчала на какое-то время.

– Им не стоило сопротивляться. Несколько человек сбежали, но большинство… Мы устранили, так сказать, проблему. Операция увенчалась успехом. – Из�다 вдруг спохватилась, что непроизвольно выражается в духе агиток Академии. Некоторые привычки настолько вросли в её личность, что даже за полгода от них ещё не получилось отвыкнуть. Скорее всего, для этого будет мало даже полжизни.

Сpirалевидный коридор описывал круги всё меньшего диаметра, ход приближался к центру крипты. Там, где горело несколько лампочек подряд, Из�다 могла различить в пыли чьи-то следы – по-видимому, человек прошёл этим проходом туда и обратно. Аттик побывал здесь всего несколько недель назад. Возможно, в крипте он был единственным гостем за последние несколько десятков лет. То тут, то там были видны раздавленные птички-оригами, на которых он наступал, – наверное, они были слишком слабы и не могли двигаться. Аттик всегда питал слабость к этим маленьким созданиям, видимо, ему было больно видеть их в таком состоянии.

– Юлиус Розенкрайц был племянником Зибенштерна, не так ли? – спросил Дункан.

– Да. Он родился в 1835 году, за год до того, как его родители вынуждены были бежать из фамильного замка на Рейне. Вместе с матерью, ещё младенцем, Юлиус попал в Англию и вырос в Котсуолде. Уже в юности он неустанно трудился над чудесами библиомантики, а его сын Август и внук Кассий продолжили его дело.

Дункан потихоньку вздохнул:

– Наглая лампа и говорящее кресло…

– Да, это творения Кассия, – с улыбкой перебила его Из�다. – Судя по всему, ему нравились странные игрушки, в то время как его дед занимался совершенно другими вопросами. – Из�다 кивком головы указала вперёд: – Вероятно, крипта под библиотекой – идея Джулиана.

Сpirальный проход заканчивался небольшим круглым помещением диаметром не более пяти шагов. В середине стоял тяжёлый дубовый стол, рядом с ним – стул с высокой спинкой, обтянутый тёмной кожей. Стены комнаты были заставлены книжными шкафами, битком набитыми книгами.

Аттик не дал себе труда поставить фолианты, которыми он пользовался, обратно на полки. На столе лежало полдюжины массивных томов. Это обстоятельство могло значительно облегчить Изиде и Дункану их задачу.

Дункан прошёлся вдоль шкафов, скользя взглядом по кожаным корешкам, в то время как Изиде подошла к столу. Последнюю книгу, которой пользовался Аттик, он закрыл. Ещё несколько лежало рядом.

Дункан задержался возле пустого места на одной из полок, где, по всей вероятности, и стояли тома, которыми пользовался Аттик. Забывшись, Дункан провёл рукой по этой полке, читая заглавия соседних книг с золотым тиснением.

– На каждой книге стоит имя кого-то из семейства Ферфакс, – сообщил он. – Здесь только женские. Эмма Ферфакс. Антония Ферфакс. Матильда Ферфакс. Для каждой – по отдельному тому. – Дункан сделал шаг влево. – А тут начинаются другие фамилии.

– Книги, посвящённые мужчинам из рода Ферфакс, на столе. – Изиде внимательно рассматривала корешки книг. Сверху лежали тома, озаглавленные «Джулиан Ферфакс» и «Август Ферфакс». Три остальных имени в стопке ничего ей не говорили, но она предполагала, что это были какие-нибудь дяди или двоюродные братья: *Реджинальд, Уолтер и Бернард Ферфакс*. Она взяла книгу, лежавшую отдельно, и перевернула её, чтобы прочитать заглавие: «*Кассий Ферфакс*». Дедушка Фурии.

– Значит, это правда... – прошептал Дункан.

Изиде опустилась на стул. Кожаное сиденье было твёрдым как камень, подлокотники густо покрывала пыль. Вероятно, во время чтения Аттик склонялся над книгой, опираясь локтями на стол. Она последовала его примеру.

Дункан приблизился к ней, остановился и на всякий случай открыл свою сердечную книгу.

– Ты уверена, что никаких других защит или ловушек здесь нет?

– Я ни в чём не уверена. Но я надеюсь, что основная их часть сосредоточена в зале наверху. Мы узнаем это наверняка, только когда откроем одну из книг. – Изиде положила ладони на кожаный переплёт.

– Кстати, – заметил Дункан, – если ночная охрана...

– Проход им не виден. Он приступает, только если использовать слово-разгадку.

Дункан шумно выдохнул. Изиде не понимала, почему его так беспокоит это место. Много лет Дункан работал на Аттика и Академию, потом, после своего дезертирства, занимался контрабандой и продажей книг, вызывающих привыкание, в осколке убежища Портобелло. Он, несомненно, повидал на своём веку значительно менее уютные места, чем крипта, полная книг. В конце концов, здесь им могли угрожать только усопшие библиоманты.

– Ты ведь не боишься привидений, правда? – спросила она, хитро улыбаясь.

Дункан наморщил лоб:

– Это, что ли, они? Привидения?

– Ты бы назвал их по-другому? Может быть, души?

– Как их ни назови, я бы сбежал отсюда поскорее. Мы ведь даже не знаем, не сидит ли у нас кто-то на хвосте.

– Ну ладно. Тогда давай начнём. – Изиде раскрыла фолиант с надписью: «*Кассий Ферфакс*».

По окружности маленького зала пронёсся какой-то звук – словно все книги, стоявшие на полках, одна за другой испустили глубокий вздох.

Дункан испуганно заозирался по сторонам и расщепил страничное сердце своей сердечной книги.

– Стой! – сказала Изиде. – Не делай того, о чём потом пожалеешь.

– Я не какой-нибудь новичок, чёрт побери! – раздражённо отозвался он.

Изида сочувствовала Дункану, но сейчас у них были дела поважнее извинений. Она снова перевела взгляд на раскрытую книгу. Первая страница была пустой, вероятно, такими же были и все остальные. Казалось, бумага едва заметно колеблется под дуновением сквозняка, возникшего неизвестно откуда. Края страниц подрагивали, как будто кто-то прикасался к ним невидимым большим пальцем.

– Кассий? – прошептала Изида. – Кассий Ферфакс?

В ту же минуту у неё снова пошла носом кровь. Она едва успела отодвинуться от края стола, чтобы не закапать раскрытую книгу. Изида не знала, что бы было тогда, но наверняка ничего хорошего.

Чертыхаясь, она запрокинула голову и почувствовала, как тёплая кровь стекает вниз по горлани. Не желая ждать, пока кровотечение остановится само, Изида приложила рукав к носу.

– *Кто ты?* – Слова возникли на первой странице книги, написанные печатными буквами с элегантными завитушками.

– Меня зовут Изида Пустота, моего спутника – Дункан Маунд.

Какое-то время ничего не происходило – до тех пор, пока до Изиды не дошло, что ей нужно перевернуть страницу. Перелистнув её, она прочитала на следующей:

– *Зачем ты пришла и зачем ты пробуждаешь нас?*

Вдоль книжных полок снова прокатился вздох.

– Я подруга твоей внучки, Фурии Саламандры Ферфакс. – Она торопливо перелистнула страницу.

– *Ты сказала «Фурия»?*

– Да.

– *Кому, чёрт возьми, пришла в голову идея дать ребёнку такое имя?*

– Твоему сыну Тиберию Ферфаксу.

– *Тиберию любит Диккенса*, – было написано на следующей странице. – *Он бы назвал свою дочь Эстеллой¹ или Гонорией².*

– Или Крошкой Доррит³, – сказал Дункан и опёрся на стол кулаком. – Похоже, ей ещё повезло.

Изида вновь промокнула нос рукавом и поинтересовалась:

– Означает ли это, что вам действительно удалось продолжить существование в этих книгах?

– *Разве это существование?* – ответили ей вопросом на вопрос на пожелавшей бумаге, когда она перевернула страницу. – *С помощью библиомантии мы вплели себя в эти книги, как переплётчик вплетает в них страницы, чтобы выиграть время – до тех пор, пока один из наших потомков не найдёт возможности транскрибировать нас в новые тела. Так сказать, в свежие экземпляры. В нашей семье умеют помогать друг другу. Так было всегда.*

Изида не стала рассказывать Кассию, что всяческие поползновения в этом направлении умерли вместе с ним самим. Его сын Тиберию предпочитал сочинять «Введение в безмятежный сон» Хансарта, не забивая себе голову тем, как оживить своих предков. «*Он не был семейным человеком*», – когда-то сказала про него Фурия.

– Разве не о семьях в итоге говорится во всех историях на свете? – снова спросила Изида. Своим вопросом она надеялась сделать Кассия говорчивее. – О семьях, в которых мы рождаемся, и о новых семьях, которые мы собираем вокруг себя?

– *Семьи – это книги, написанные кровью. И чем ближе к концу, тем хуже помнятся начало. Иногда первые страницы практически погребены под тяжестью последующих, но*

¹ Эстелла Хэвишем – персонаж романа Ч. Диккенса «Большие надежды».

² Гонория Барбери – персонаж романа Ч. Диккенса «Холодный дом».

³ Крошкой Доррит – имеется в виду персонаж одноимённого романа Ч. Диккенса.

любой книге крови необходимы целиком все страницы, все до одной, со всеми их недостатками, – без них она будет неполной.

– Я уверена, что рано или поздно кто-то из Ферфаксов найдёт способ вернуть вас к жизни, – солгала Изида. – Однако сейчас Фурии самой необходима помощь.

– *Она хорошая девочка?*

– Замечательная! Вы все могли бы ею гордиться. Когда-нибудь она станет великим библиомантом. – Изида непроизвольно слготнула: ей пришло в голову, что, возможно, Фурии уже нет в живых.

– *У неё есть братья и сёстры?*

– Есть. Младший брат Пип.

– *Вот это уже больше похоже на Тиберия. Так звали мальчугана из «Больших надежд»⁴.*

Дункан внезапно подскочил к двери в маленький зал, приложил палец к губам и прислушался. Изида обеспокоенно взглянула на него.

– Что случилось? – одними губами спросила она.

Дункан помедлил ещё секунду, а потом жестом призвал её поторопиться.

– Нам… – начала Изида, но немедленно поправилась: – Фурии нужны сведения. Возможно, несколько недель назад здесь побывал кто-то, кто задавал вам те же вопросы. Тебе, Кассий, и твоим родственникам.

«А ещё мне очень любопытно было бы узнать, – добавила она про себя, – с какой стати Аттик решил, что Ферфакс будет отвечать на его вопросы».

– *Арбогаст*, – прочла она имя на следующей странице. – *Так его звали.*

– Да. Он мёртв.

Когда Изида перелистнула страницу, следующий лист остался белоснежным. Только на следующей странице содержался ответ:

– *Хорошо.*

– Дункан прикончил его. С помощью Фурии.

– *Тогда малышка – настоящая Ферфакс.*

– Но теперь она пропала. – Изида снова бросила взгляд на Дункана, на лице которого было написано растущее беспокойство. У неё не оставалось времени для долгих рассказов о гибели Санктуария и борьбе мятежников с Академией. Вместо этого она перешла прямо к делу: – Фурия исчезла между страницами мира. Её поглотили существа, которых мы называем идеями. Мы не знаем, жива ли она ещё.

– *Идеи…* – проступило в книге. – *Я знаю человека, употреблявшего это слово по отношению к явлению, встретившемуся нам там, снаружи, между страницами мира.*

Изида едва сдержала вздох облегчения. Значит, Кассий Ферфакс встречался с идеями давным-давно, может быть, он был одним из первых библиомантов на свете, наблюдавших их. Должно быть, именно поэтому Аттик искал его.

– Где ты встречался с ними? – спросила Изида и перевернула страницу.

– *Между страницами мира, в стороне от высоких убежищ. На борту моего корабля-портала «Бланни де Казалис».*

Изида и Дункан переглянулись, Дункан посмотрел на неё вопросительно. С того места, где он стоял, ему не были видны ответы Кассия.

– Сегодня почти все считают, что корабли- порталы – выдумка, легенда, – сказала Изида, обращаясь к книге, и вновь перевернула страницу.

– *О, это были мои шедевры! Неужели прошло столько времени? Существовало два практически одинаковых корабля, построенных в одно и то же время, «Бланни де Казалис» и «Флёр*

⁴ Пип – главный герой романа Ч. Диккенса «Большие надежды».

де Мари». Я больше любил «Бланши»: у «Мари» была пара недочётов. Когда же мы стали строить «Бланши», мы учили их, и этот корабль вышел гораздо прочнее.

Изода помнила историю о двух кораблях-порталах весьма смутно, но чего она в любом случае не знала раньше, так это того, что Кассий Ферфакс принимал участие в их постройке. Хотя, с другой стороны, в этом была своя логика. Оба корабля были эффектными, но бессмысленными затеями, такими же, как и остальные «чудеса» Кассия. Испокон веков золотая пустота между страницами мира была неясным пространством, которое библиоманты пересекали во время прыжков и в котором находились, как правило, всего несколько секунд. Строительство кораблей- порталов должно было произвести революцию в пространственных перемещениях. Предполагалось, что на борту «Флёр де Мари» и «Бланш де Казалис» – корабли были названы в честь героинь романа Эжена Сю «Парижские тайны» и романа Эмиля Золя «Марсельские тайны» – библиоманты смогут пересекать пространство между страницами мира, не тратя собственные силы.

Корабли представляли собой летающие библиотеки, наполненные библиомантикой до такой степени, что сами становились порталами, которые могли перемещаться между убежищами и сколь угодно долго находиться в пустоте. По мере постройки кораблей в мире библиомантии создавались грандиозные планы их использования – начиная от научных экспедиций и заканчивая прогулочными круизами. Строители кораблей- порталов собирались создать целый флот подобных гигантов. Однако во время войны вочных убежищах Академия запретила постройку судов и конфисковала оба прототипа. Проектировщикам кораблей- порталов удалось спрятать «Бланш де Казалис» в безопасном месте до нападения гвардии Академии. Однако «Флёр де Мари» попала в руки Академии и перевозила войска вочные убежища, где в конце концов и пропала при невыясненных обстоятельствах, – официальные сводки гласили, что она потерпела крушение.

О «Флёр» Изиде рассказывал её приёмный отец Целестин. Он сам никогда не бывал на борту гигантского судна, однако был уверен, что наблюдал его последний полёт в небе над Забытыми землями, – «Флёр» должна была переправить библиомантов за линию вражеской обороны. Ни сам корабль, ни тех, кто был на борту, найти не удалось. «Это было поистине величественное зрелище! – восторгался Целестин. – Единственный раз за всю нашу жизнь в очных убежищах, когда мы увидели нечто прекрасное! Все мы тогда отчаянно желали быть на борту этого корабля. Только значительно позже прокатился слух, что „Флёр“ отошла от курса и разбилась далеко в стороне от мест, где шли сражения, за последними башнями-маяками».

Изода ещё раз перечитала реплики, написанные на странице перед её глазами: «...у „Мари“ была пара недочётов. Когда же мы стали строить „Бланши“, мы учили их, и этот корабль вышел гораздо прочнее».

Возможно, эти недочёты и стали причиной крушения корабля в очных убежищах?

– Изода, – тихо произнёс Дункан, – мне кажется, наверху кто-то есть.

Она прислушалась, однако не услышала ничего, кроме лёгкого дуновения сквозняка в спиральном проходе. Должно быть, у Дункана был очень чуткий слух. Она снова обратилась к книге:

– Ты упомянул о том, что уже встречался с идеями. Что при этом произошло? Как тебе удалось выжить?

– «Бланши» находилась между самыми глубокими убежищами, в пустоте, которую никто никогда не пересекал по собственной воле, – никто, кроме нас. Мы наткнулись на них там. Или они на нас. Краски, целые гряды облаков, полные красок. Я вёл «Бланши» и пытался увернуться от них, но они были быстрее нас. Внезапно мы оказались окружены со всех сторон. У нас не было ни единого шанса.

Остаток страницы остался пустым.

– Что было потом? – спросила Изода и нетерпеливо перелистнула страницу.

— Они надвигались со всех сторон. Они были невыносимо прекрасны! Потрясающее произведение искусства, все краски, которые только можно себе представить. А потом они поглотили нас.

Дункан отчаянно зажестикулировал:

— Нам срочно пора убираться отсюда!

И у него, и у Изиды с собой были книги для прыжков. Чтобы покинуть круглый зал, им требовалось всего несколько секунд. Однако Изида должна была узнать всё до конца.

— Тебе удалось улизнуть от них, — заметила она. — Значит, и для твоей внучки ещё не всё потеряно.

Они отступили. Какое-то время мы находились в эпицентре красок. Я никогда в жизни не видел ничего более прекрасного! И вдруг всё кончилось. «Бланни» прорвалась через облака, и вокруг нас внезапно снова оказалась золотая пустота. Мы не знали, с чем столкнулись, и полагали, что это какое-то явление природы, феномен, род тумана, существующего только между страницами мира. Некоторые из нас после этого происшествия чуть не лишились рассудка: несколько месяцев спустя, закрыв глаза, люди видели не темноту, а ту самую феерию красок. Один человек покончил с собой, другой решил во что бы то ни стало отыскать те разноцветные облака, чтобы ещё раз увидеть их. Его имя было Йозеф Восканиан.

Страница заполнилась до конца, и Изиде пришлось перевернуть её.

— Восканиан искал других свидетелей и занимался исследованиями. Я не знаю, до чего он в итоге докопался, но, похоже, именно он назвал разноцветные облака «идеями». С тех пор я встречался с ним лишь однажды, вскоре после этого он бесследно исчез. Некоторые полагают, что его схватила Академия и заставила замолчать навсегда. Однако я уверен, что он ушёл в подполье. Все мы когда-то были членами «Ша нуар», а Йозеф Восканиан был яростным противником Трёх родов. В идеях он увидел что-то, что дало ему надежду. Что-то хорошее.

— Идеи успели уничтожить многие убежища и тысячи людей, живших в них, — с горечью возразила Изида. — Что же в них хорошего?

— Я сказал, что Восканиан увидел в них что-то хорошее. Возможно, в действительности они такие же явления природы, как ураган или наводнение, — по ту сторону добра и зла.

Дункан вновь подошёл к столу:

— Заканчивай.

— Но кое-что кажется мне странным, — написал Кассий.

— В зале наверху кто-то есть, — упрямо напомнил Дункан, — я в этом уверен.

— Охрана?

— Думаю, кто-то похуже. Я могу сходить на разведку.

Изида покачала головой:

— Мы прыгнем прямо отсюда. Я только хочу... — Она умолкла, когда страница перед ней перевернулась как будто сама собой.

— У вас не получится, — проступили на бумаге слова. — Крипта запечатана для библиомантиki. Нельзя прыгнуть ни отсюда, ни сюда.

Изида чертыхнулась. Когда Дункан прочитал слова, проступившие на бумаге, его лицо омрачилось.

— Я пойду гляну, что там происходит, а ты пока закончи здесь.

Прежде чем она смогла удержать его, он поспешил прочь.

Хотя Дункан двигался очень тихо, она слышала его шаги в спиральном проходе. У этого сооружения была удивительная акустика.

— Интересно, жив ли ещё Восканиан? — спросила она Кассия.

— Он был немного моложе меня. Какой сейчас год?

Изида ответила ему и заглянула на следующую страницу.

– Тогда сейчас ему должно быть далеко за девяносто. Возможно, тебе повезёт, а может быть, и нет. Если тебе вообще удастся его найти.

По спиральному проходу пронёсся странный свистящий звук, высокий и долгий. Изида уже слышала его однажды и передёрнулась, вспомнив, где именно.

Она вновь обратилась к книге:

– Я не могу взять тебя с собой, правда?

– Там, снаружи, у тебя в руках окажутся лишь пустые страницы. Наше дальнейшее существование в книгах возможно лишь здесь, в этих стенах.

– Этого я и опасалась.

У Изиды имелось предположение, куда в своё время исчезли члены «Ша нуар» первого поколения. Это был её шанс. Если бы ей удалось найти там кого-нибудь, кто бы знал об идеях больше её самой, стоило попробовать проникнуть туда.

– Знаешь ли ты, что стало с «Бланш»?

– Этот Арбогаст утверждал, что она исчезла.

– Значит ли это, что она исчезла уже после твоей смерти?

– Да. Но если ты готова выслушать мои предположения, дело могло обстоять так: братство «Ша нуар» переправило «Бланши» туда, где её не могли найти типы вроде Арбогаста. Может быть, они спрятали её между строк.

– Ты только что написал... – Изида перелистнула страницы назад, но обнаружила, что все предыдущие записи исчезли. Листы были девственно чистыми, как будто на них никогда не было написано ни слова. – Про то, что кажется тебе странным.

Снова раздался свист, резкий, болезненно отздавшийся в ушах, и Изида поняла, кто преследовал их.

– Что ты имел в виду? – спросила она, вскакивая со стула.

На стол, совсем рядом с краем книги, упала капля крови. Во рту Изиды снова появился привкус железа.

– Тебе надо уходить, – написал Кассий. – Ты слаба, а это место высасывает из тебя силы.

– Что ты имел в виду? Что означает «спрятали между строк»?.. – упрямо задавала вопросы экслибра.

Снова раздался свист, более резкий, чем первый.

«Их много», – подумала Изида. Гвардейцы никогда не нападали поодиночке. Если Дункан сражался один, у него не было шансов, – ей следовало присоединиться к нему.

Она уже собиралась закрыть книгу, однако всё же перелистнула ещё одну страницу.

Фуррия, – стояло на ней. Только одно это слово.

– Что?..

Раздался третий свист, более пронзительный, чем первые два.

Изида захлопнула книгу, расстегнула молнию на куртке и устремилась прочь.

Глава четвёртая

— Что произошло с теми, кто был на борту корабля? — спросила Фурия, направляясь вместе с Зибенштерном вдоль огромного корпуса «Флёр де Мари». Над серыми потёками застывшей лавы клубились маленькие вихри, взметавшие пепел. При слишком глубоком вдохе в горле скребло, словно наждаком.

— Об этом следует спросить Федру, — ответил старик. — Меня при этом не было.

— Они их убили, да?

— Бушевала война. На самом деле для Федры и чернильных поганок война никогда и не прекращалась.

С неба снова посыпалась угольная крошка или что-то, что Фурия приняла за уголь, — твёрдые тёмные зёрнышки запутались в седых волосах Зибенштерна, словно насекомые. Фурии доводилось слышать страшные слухи оочных убежищах, поэтому на чёрные градинки не стоило жаловаться, — она и не стала.

— Вон там, — Зибенштерн указал на что-то впереди, — видишь трещину в корпусе? Через неё можно попасть внутрь корабля.

Зазубренная трещина, змеившаяся высоко над ними, была не шире среднестатистического мужчины. С её нижнего конца, на высоте добрых семи метров над каменистой почвой, свешивалась верёвочная лестница.

— Ты сможешь забраться туда? — спросила Фурия, смахивая с ресниц чёрные крупинки.

— Я старик, но не калека.

Иногда ей приходилось напоминать себе о том, что Зибенштерн не беспомощный старик. Именно он хотел запустить обеззначивание всех книг на свете. Именно он в своё время сказал Фурии: *«Когда-нибудь кто-нибудь снова захочет написать последнюю пустую книгу. Не исключено, что это будешь ты»*.

Ей следовало бы спросить его, что он имел в виду. Однако она была по горло сыта всеми этими загадками и зашифрованными намёками. Огромный корабль существовал на самом деле, был реален, его можно было потрогать. И он таил в себе слабую надежду. По дороге сюда Зибенштерн рассказал Фурии, что «Флёр де Мари», как и другой подобный корабль, под названием «Бланш де Казалис», была построена по проекту её деда, Кассия Ферфакса. Если корабли действительно представляли собой движущиеся порталы между убежищами, это давало им всем возможность убраться отсюда. Может быть.

Зибенштерн поднял свой посох, словно копьё, и ловко метнул его в щель. Потом он ухватился за верёвочную лестницу и начал карабкаться по ней вверх. Только теперь Фурия разглядела, что через каждые несколько перекладин лестница была прикреплена к корпусу «Флёр».

Зибенштерну не понадобилось много времени на подъём: вскоре он уже протиснулся в щель. Тотчас же в тёмном отверстии показалось его лицо. Фурия тоже взялась за перекладины лестницы, не приняла руку, которую протягивал ей старик, и проскользнула внутрь корабля. Воздух здесь пах влажной бумагой и прогнившим деревом.

Впервые за последние несколько часов петушиная книга высунула клюв из кармана штанов Фурии. По её понятиям, книга молчала удивительно долго и сейчас не скрывала, что в кармане ей нравилось гораздо больше, чем там, где они оказались теперь.

— Эта сырость меня убьёт... — пробурчал безглазый клюв, когда книга, как обычно, вытянула шею из середины книжной обложки. — И грязь эта повсюду. У меня между страницами везде пыль.

Зибенштерн улыбнулся:

— Когда я впервые написал о сердечных книгах, я не рассчитывал, что они смогут говорить. И тем более ворчать.

Книга воинственно нацелила жёлтый клюв в его сторону:

– Похоже, что-то пошло не так… Причём далеко не только здесь, да?

– Зачастую именно дураки говорят вслух самую горькую правду, – парировал Зибенштерн.

– Я не часть твоих разбойничих историй, старик! – оскорбилась петушиная книга. – Я не такая, как твои куклы-персонажи, у каждого из которых только одна черта. Я многогранная, яркая индивидуальность и весьма…

– Тихо! – прервала перепалку Фурия, открыла книгу левой рукой, а правой разгладила страницу.

Ей понадобилось сосредоточиться всего на секунду, чтобы расщепить страничное сердце. Слои бумаги разошлись, из них пролился свет и озарил внутренности корабля. Слова на открытой странице светились голубоватым огнём. Фурия подумала о том, чего она хотела добиться, и про себя прочитала тайные слова.

Из книги немедленно появился светящийся шар размером не больше мужского кулака. Он взмыл вверх и повис в воздухе над головой Фурии. Пока петушиная книга была открыта, светящийся шар мог сопровождать их повсюду.

Они находились в огромном помещении, когда-то, должно быть, бывшем роскошным корабельным салоном, какие раньше были на каждом круизном лайнере. Крушение, сражения на борту и отвратительный климат ночных убежищ – всё это привело к тому, что мебель и обшивка стен сгнили, окна и двери потрескались и покосились. Всё было покрыто чёрной коркой влажного вулканического пепла. Очертания кресел и столов под ней угадывались с трудом.

– Почему тут вообще ещё что-то сохранилось? – спросила Фурия, повернув голову к Зибенштерну. – Чернильным поганкам всё это не пригодилось?

Оказавшись около лагеря, Фурия видела, что его жители приспособливали к делу каждую мелочь. В краю, где не росли деревья, любую деревяшку использовали для строительства хижин и клетушек. То обстоятельство, что внутри корабля старая мебель гнила просто так, казалось ей подозрительным.

– Чернильным поганкам не разрешается забираться на борт, – ответил Зибенштерн. – Федра считает, что религия, которую она им навязывает, должна включать в себя некое тайное место. Святилище.

Фурия недоумённо поглядела на него. В свете шара над её головой старик казался бледным как смерть, несмотря на лицо, запорошённое чёрными крошками.

– Святилище?

– Федра уже давно поняла одну вещь: столько… – Зибенштерн заколебался, – столько людей невозможно удержать вместе разумными доводами или с помощью надежды. Необходимо, чтобы они во что-то поверили. Она дала поганкам высший порядок мироустройства, силу, управляющую миром.

– Федра требует, чтобы ей поклонялись, как богине?

Это даже было в какой-то степени логично, в конце концов, многие авторы почитали Федру в мифах и легендах как праматерь библиомантиki.

Зибенштерн, однако, покачал головой:

– Нет. Если бы все эти люди снаружи были библиомантами, они могли попытаться так поступить. Но предками чернильных поганок были экслибры, выпавшие из книг. И Федра подарила им веру в *книгу* – книгу, превосходящую все остальные книги на свете. В *книгу*, рассказывающую историю обо всех нас, а не только об экслибрах. Даже мы с тобой, Фурия, – только её персонажи. Федра называет её *Liber Incognitus*.

– Глупость какая! – фыркнула Фурия.

– Может быть.

Фурия смерила старика взглядом:

– Но ты же не веришь в это?

– Я создал Федру и мир библиомантиki, описав его в «Книгах творения». Мысль о том, что я сам лишь кем-то выдуманный персонаж, не более абсурдна, чем этот факт, верно? Возможно, вся вселенная устроена по принципу библиотеки в библиотеке: каждая книга только часть другой книги, каждый человек – выдумка автора, которого, в свою очередь, выдумал другой автор.

Попытавшись представить себе такую вселенную, Фурия почувствовала головокружение.

– Тем не менее должен быть автор, с которого всё началось. Тот, кто написал самую первую книгу, – проговорила она.

– Можно предположить, что от *Liber Incognitus* нас отделяет всего одна ступень, – а быть может, и сотня ступеней. Теоретически число таких ступеней может уходить в бесконечность. Книга в книге в книге… – Зибенштерн помедлил, словно желая что-то добавить, но в результате лишь пожал плечами и махнул рукой: – Я привёл тебя сюда не затем, чтобы говорить о миоустройстве с позиций Федры! Пошли дальше.

Теперь Фурию просто распирало от любопытства, но она решила пока не показывать этого и оглянулась. На стенах салона висели полуразвалившиеся полки. Так как корабль передвигался с помощью библиомантиki, Фурия предположила, что изначально они были уставлены книгами. Она перешла на противоположную сторону салона, чтобы взглянуть на что-то похожее на болото, образовавшееся у основания пустых полок.

Там лежали остатки бумаги, как она и опасалась. Сердце её забилось чаще, к горлу подкатил комок. Столько разодранных книг, слежавшихся в сплошную серовато-чёрную массу! Библиоманту сложно было вынести это.

Фурия попросила петушиную книгу заложить клювом открытый разворот, чтобы книгу можно было снова засунуть в карман, не гася светящегося шара. Недовольно бурча, книга выполнила её просьбу. Светящийся шар спустился ниже, когда девочка присела на корточки.

Голыми руками Фурия начала рыться во влажной массе страниц. В глубине находился слой, пока ещё сохранивший сходство с книгами. Ещё глубже она нашупала твёрдые обложки. Девочка вытащила сразу несколько штук. Это оказались тома в кожаных переплётах, страницы их склеились и покоробились, но текст можно было прочитать. Слой бумажной каши и вулканической пыли защитил книги: переплёты были целы, страницы практически не повреждены.

– Не старайся: всё равно не прочитаешь, – заметил Зибенштерн за её спиной.

Фурия осторожно разлепила сырье страницы, надорвав некоторые из них. Нужно было быть осторожнее. Когда она раскрыла книгу шире, чтобы на пятнистую бумагу падал свет, переплёт угрожающе заскрипел. Когда-то на книгу попала вода, однако она давно испарилась. Наморщив лоб, Фурия попыталась прочесть первые строки, но не поняла ни слова. То же было и со второй, и с третьей книгой.

– Что это за язык?

– Это вообще не язык. Это я и имел в виду. Повторяю: как ни старайся прочитать эти книги, всё равно не выйдет.

В кармане камуфляжных штанов Фурии петушиная книга пробормотала что-то предупреждающее, но из-за того, что её клюв был зажат между страницами, было не разобрать, что именно. Петушиная книга была неисправимой пессимисткой.

Фурия попробовала прочитать другую страницу – та же абракадабра. Большие и маленькие буквы беспорядочно плясали по строчкам, точки и запятые встречались даже в середине слова.

Бурчание петушиной книги в кармане усилилось. Проникая в мысли Фурии, она видела то же, что видела девочка, и, кажется, что-то поняла в бессмысленной буквеннной мешанине.

– Книжная лихорадка, – объяснил Зибенштерн.

– Что это значит? – На всякий случай Фурия положила книги обратно на пол.

Светящийся шар погас: петушиная книга освободила клюв и высунула его из кармана. Девочку и старика окутала темнота. Только сквозь щель в корпусе «Флёр» проникал неверный свет дальних зарниц.

– Книжная лихорадка! – завизжала петушиная книга. – О господи! Немедленно прочь отсюда. Спасайся кто может!

Фурия вскочила, почувствовав, что опасность, о которой кричала книга, была серёзной, – и наткнулась на Зибенштерна, стоявшего позади неё.

– Не бойся, – сказал он. – Книжная лихорадка уже давно не заразна. Эпидемия разразилась здесь почти сорок лет назад.

– Эпидемия?

– Да, это было что-то вроде вируса. Перед тем как последние библиоманты Академии должны были покинутьочные убежища, было необходимо любой ценой предотвратить, чтобы в Забытых землях оставалась хоть одна неповреждённая книга. Академия хотела искоренить здесь библиомантику до основания и запустила в Забытые земли вирус книжной лихорадки, в кратчайшие сроки заразивший большинство здешних книг, в том числе сердечные книги мятежников, павших на полях сражений, и библиотеку на «Флёр», потерпевшей крушение. Книжная лихорадка перемешивает буквы и знаки книг в абраcadабру, и заражённые книги становятся нечитабельными уже через несколько часов.

Вообразив эпидемию книжной лихорадки, Фурия почувствовала себя ещё хуже.

– Я никогда об этом не слышала.

Книжная лихорадка казалась ей ужасной предварительной стадией обеззначивания, и она задалась вопросом: возможно, Зибенштерн выдумал и книжную лихорадку, описав её в «Книгах творения»?

– Теперь тебя не удивляет, что Академия хранила это в абсолютной тайне? – спросил он. – Три рода хотели любой ценой не допустить огласки того, что десятки тысяч книг были намеренно уничтожены. Больше всего от эпидемии пострадали библиоманты, запустившие книжную лихорадку. Все они потеряли свои способности, а некоторые – и рассудок. Несколько человек покончили с собой, другие умерли при невыясненных обстоятельствах. Вероятно, агенты Академии позаботились о том, чтобы библиоманты не могли выдать тайну приказов, которые выполняли при отступлении войск. Книжная лихорадка бушевала здесь несколько лет и затронула все книги вочных убежищах.

Петушиная книга тоненько запрчитала:

– Ни одно несчастье меня не минует, ни одна опасность, ни одно унижение!..

– Твой текст – всё равно только обманка, – прервала её Фурия.

– Я попрошу! – огрызнулась петушиная книга. – Большая разница, носишь ли ты имя «Жизнь и похождения Авеля Скромного Аксбриджа, восьмого графа Тоскливого из Тосканы», или… – Она пробормотала невразумительную абраcadабру.

– Не волнуйся, мой маленький друг, – успокоил её Зибенштерн. – Никто не отберёт у тебя твоё звучное название, оно останется при тебе.

– Да уж пожалуйста! – всхлипнула напоследок книга.

– Даю тебе слово.

Фурия провела пальцами по закруглению книжного клюва.

– Нам снова нужен свет.

– Ну да, только для этого я и гожусь, – проворчала петушиная книга. – Затащили меня в этот… этот чумной барак, грязное болото, рассадник инфекций, где бог знает что носится в воздухе, и я ничего не могу с этим поделать. Спроси своего нового дружка: какие ещё у него в запасе есть сюрпризы, которые могут угрожать твоей несчастной сердечной книге?

Фурия примирительно потрепала книгу по обложке и обратилась к Зибенштерну:

– Здесь есть ещё что-нибудь, о чём мы должны знать?

– Есть пара вещей, – признался он, – но ни одна из них не повредит орфографии и пунктуации твоей книжечки-неженки.

– *Книжечки?!* – оскорблённо повторила петушиная книга.

– Извини! Фундаментального труда, – поправился Зибенштерн. – Истинной энциклопедии, светоча знаний и мудрости.

Клюв повернулся к Фурии:

– Это была ирония! Вы думаете, я не замечаю такие вещи?! Он насмехается надо мной!

Преврати его во что-нибудь. Во что-нибудь вонючее. Вроде Кэт.

– Кэт уже несколько месяцев регулярно моется.

– Как Кэт *раньше*!

Фурия вздохнула, раскрыла книгу и расщепила страничное сердце. Книга неохотно подчинилась, и со страниц наружу скользнул новый светящийся шар.

– Спасибо, – поблагодарила Фурия.

– *Книжечка!* – возмущённо повторила петушиная книга.

– Извини, извини! – ответил Зибенштерн.

Глава пятая

Когда Изида дошла до подножия лестницы, ведущей из подвала в читальный зал, Дункана там не оказалось. Проход был открыт. Многоголосый свист звучал сверху, спускаясь вниз и болезненно отдаваясь в ушах.

Первые несколько ступенек экслибра проскочила с разгона, потом замедлила шаг. Она предполагала, что её противникам было неизвестно слово-разгадка, иначе они уже давно последовали бы за ними в крипту. Это, в свою очередь, означало, что враги не видели открытой двери и не могли видеть саму Изиду, пока она не переступила порог обратно в зал.

Когда до верхнего края лестницы оставалось несколько ступенек, она почувствовала: что-то заползло в её мысли, как будто тянуло и давило, будто невидимые руки хватали её и тащили наружу, под купол зала. Стремление выйти через тайный проход наружу разливалось внутри неё, подобно яду, и она поняла, *почему* Дункан не смог дождаться её, а отправился сражаться с врагами в одиночку. Вместе с пронзительным свистом в разум Изиды словно бы ввинчивался гипнотический приказ, которому могли противостоять немногие библиоманты, не говоря уже об обычных людях.

Изида не была ни библиомантом, ни обычным человеком. Она была экслибрай Зибенштерна и тем самым своей собственной сердечной книгой. Собрав все силы для того, чтобы противостоять гипнозу, она распахнула свою грудную клетку. Обе половинки раскрылись по вертикальному шву, который шёл от горлани до пупка. Кожа и кости превратились в кожаный переплёт, между которыми раскрылись и зашелестили под порывом нездешнего ветра бумажные страницы. Когда Изида расщепила страничное сердце, из её груди через дверь читального зала пролился яркий свет.

Изида решительно шагнула из тайного прохода с лестницей под купол в барочной лепнине. Сначала ей нужно было понять, что здесь происходит, даже если желание дать отпор вслепую было практически неодолимым. Вероятно, экслибра могла бы испепелить весь зал, но она боялась навредить Дункану. В то же время предательский голосок нашёптывал ей, что Дункан – это не главное, что значение имеет лишь она сама и что пришло время забрать Абсолонову книгу себе и погрузиться в чтение.

Дункан стоял в центре круглого зала и, казалось, насмерть вцепился обеими руками в свою раскрытую сердечную книгу. Вокруг него змеились потоки энергии, образуя три линии, которые, словно спицы невидимого колеса, уходили к стенам зала. Изида проследила за ними взглядом и увидела в конце каждой «спицы», на первой галерее, по горбатой фигуре в человеческий рост, которые равномерно рассредоточились по окружности зала. В руках – нет, не в руках, а в длинных мохнатых и когтистых лапах – каждая фигура держала раскрытую книгу.

Все три фигуры стояли на двух ногах, однако с первого взгляда было видно, что они не люди. У них были узкие мордочки грызунов с оскаленными зубами. Между угольно-чёрными бусинками глаз пролегали глубокие морщины, усиливавшие впечатление коварства. Морды существ покрывал серый мех, под розовыми носами топоршились длинные усы.

Изида слышала о книжных крысах – экслибрах, обладающих даром библиомантов, но чуждых человеческой этике, – но никогда ещё не встречалась с ними. Эти крысы выпали из разных книг, но объединились не без причины: жестокость, коварство и чутьё делали их похожими друг на друга. Наёмные убийцы и охотники за головами, они наверняка прибыли сюда по поручению Мардука. Повелитель подземелий Либрополиса не простил Изиде и Фурии разрушения значительной части его коллекций – витрин с чучелами экслибров и бесценными артефактами времён истоков библиомантики.

Каждая усатая тварь выглядела по-своему. Одна из них была одета в чёрный сюртук и цилиндр, как джентльмен девятнадцатого века, другая – в тёмно-зелёную монашескую рясу

с капюшоном, надвинутым на глаза. На третьей одежды почти не было. Она как будто гордилась своими искажёнными пропорциями получеловека-полузверя и жёстким серо-коричневым мехом.

Самой опасной казалась крыса в рясе. Энергетический поток, который тянулся от неё к Дункану, светился ярче всего и был в два раза шире, чем два других потока. Красные глазки крысы злобно сверкнули из-под капюшона, когда она повернулась к Изиде, в то же время не выпуская Дунканна из поля зрения.

Крысы вдруг вместе испустили тот самый тонкий свист, с помощью которого они ломали волю своих жертв и выманивали их из укрытий. Ходили слухи, что этому свисту их научил крысолов, перед тем как они разорвали его в клочки.

– Дункан! – крикнула Изида через весь зал. – Защищайся!

Светящиеся нити, опутывавшие мужчину, казалось, натянулись туже. Ощущив новую волну сопротивления, они начали пульсировать. Изида видела, как шевелились его губы, когда он шептал слова из страничного сердца своей сердечной книги. Открытый томик карманного формата дрожал в его руке.

Изида запустила в пространство мощный ударный импульс, отбросивший крысу в рясе к стене. Посыпалась штукатурка, в стене, ветвясь, зазмеилась чёрная трещина, молниеносно распространившаяся до центра купола. Свист твари перешёл в крик боли и затем – в злобное рычание. Крыса бросилась вперёд, перемахнула через перила и приземлилась на пол читального зала, уклонившись таким образом от второй ударной волны, которая могла бы расплющить её, и немедленно перейдя в наступление.

Полоса белого огня налетела на Изиду и изменила направление своего движения, когда она попыталась увернуться. Адский жар окружил экслибру, но не смог проникнуть сквозь щит, который она в последний момент успела создать вокруг себя. На несколько секунд белое сияние ослепило её, и она поняла, что именно этот эффект и был истинной целью атаки. Когда пелена перед её глазами разошлась, экслибра увидела, что другие две книжные крысы тоже успели покинуть свои позиции на галерее и устремились к ней с обеих сторон.

Дункан упал на колени, но ему по-прежнему удавалось противостоять энергетическим потокам, исходящим от крыс, пока наконец он не сбросил их окончательно и они не взорвались сияющими осколками света.

Пока он поднимался с колен, ослабевший, но ещё больше рассвирепевший, Изиде пришлось сражаться со всеми тремя усатыми противниками одновременно. Молниеносные ударные волны удерживали крысоподобных тварей на расстоянии, однако на экслибру снова и снова обрушивались атаки ослепительного света – то обжигающее-горячие, то холодные как лёд, пока она в конце концов не перестала ощущать разницу между тем и другим. Её кожа горела, губы потрескались, кончики пальцев рук были словно утыканы иглами. Каждый раз, когда она отражала удар одного из противников, остальные двое усиливали напор.

Только теперь ей стало ясно, сколько сил вытянуло из неё пристрастие к Абсолоновой книге. Вскрикнув, Изида упала на колени. Мардук выбирал этих трёх исполнителей его воли тщательно и продуманно. Несомненно, их услуги обошлись ему в кругленькую сумму. Сила библиомантики, которой они владели, была поразительной. Такие злобные книжные крысы, как эти, должно быть, редко встречались даже среди экслибров. Сочетание библиомантического дара и животного хладнокровия делало их выдающимися бойцами. Тот факт, что Мардук до сих пор не добавил их в своё собрание чучел-экслибров, говорил о том, что ему не удалось укротить их. Ну что ж, вместо этого теперь он платил им и натравливал их на своих врагов.

– Изида! – позвал Дункан, перекрывая оглушительный шум битвы. – Нам нужно убираться отсюда!

Пока две крысы приближались к Изиде, а третья направилась к Дункану, Изиду пронизила мысль: это Дункан был виноват в том, что они оказались в столь бедственном положении,

потому что не давал ей Абсолонову книгу. Без слов Абсолона она становилась слабой и уязвимой, всё её существо жаждало их, и разум настоятельно требовал умертвить Дункана, отобрать у него книгу и исчезнуть. Именно он был её настоящим врагом.

Дункан снова выкрикнул её имя – ей показалось, что крик прозвучал очень далеко, словно через пелену тумана. Изида увидела, как он выпустил в книжную крысу струю бирюзового пламени, охватившего её с головы до ног. Это была книжная крыса практически без одежды, облик которой был ближе всего к звериному. От языков пламени, попавших на её шерсть, стали подниматься клубы чёрного дыма.

Крыса в цилиндре бросила взгляд на Изиду и, прицелившись, запустила в неё мощную ударную волну. В последний момент Изида стряхнула с себя мысли, вызванные привыканием к Абсолоновой книге, отразила нападение и ответила на него струёй тумана из микроскопических букв, который несколько секунд окружал её саму и обоих её противников, словно осинный рой. Изида использовала образовавшуюся передышку для того, чтобы собраться с силами, подпрыгнула и оторвалась от пола. Невесомая, женщина поднялась вверх, до уровня первой галереи, и выпустила серию молниеносных ударных волн в крысу в рясе, окутанную буквенным туманом. Тварь испустила жалобный вопль. Вероятно, она в последний момент успела поставить себе невидимую защиту, иначе атака Изиды буквально расплющила бы её. Теперь же ударные волны лишь сбили крысу с ног, и она, запутавшись в складках своего широкого одеяния, злобно шипела на Изиду снизу.

После того как атака Изиды чуть не увенчалась успехом, крыса в цилиндре отпрыгнула назад и тоже скакнула вверх. Изида поднималась всё выше, к самому куполу, миновала вторую галерею, потом ряд стрельчатых окошек в барабане купола. Шум сражения наверняка был слышен за пределами читального зала, в любой момент сюда могли ворваться охранники – и тогда именно они первыми пострадают от книжных крыс. Изида бросила взгляд на главный вход в библиотеку, расщепила новое страничное сердце и выпустила струю ослепительно-белого огня в дверные створки – это должно было на время задержать охранников.

Дункан и крыса с подпалённым мехом сражались один на один, выпуская друг в друга ударные волны и огненные шары. В воздухе летали длинные ленты светящихся букв – «выхлопы» библиомантической энергии, испускаемой обеими сторонами.

От одной из атак крысы в цилиндре, от которой Изида ловко уклонилась, треснуло одно из купольных окон. Посыпались осколки, и тлеющие буквы отразились в стёклах. Книжная крыса, поднявшаяся за Изидой под купол, обронила свой цилиндр, когда ударная волна подхватила её и со всей силы шмякнула об оштукатуренную стенку. По залу, оседая, закружила пыль. Изида выпустила новый удар, который попал в грудь мерзкого существа. Крыса взвижнула в последний раз и обвисла, пришпиленная к стене, словно бабочка на булавке. Её лапы безвольно болтались, острыя морда грызуна упала на грудь.

Внизу, на полу зала, яростно завопила крыса в рясе. Изида в последний раз атаковала её товарку на стене: вокруг пришпиленной крысы вспыхнули и погасли языки пламени, хлопья сажи закружились, неспешно спускаясь вниз.

Изида ловко уклонилась от удара снизу, однако второй застал её врасплох. Потеряв равновесие в воздухе, она успела сделать лишь пол-оборота и врезалась в ограждение верхней галереи. Ухватившись за перила обеими руками, она перемахнула через них и неуклюже шлёпнулась на колени, но тотчас же вскочила, когда вдруг перед ней появилась тварь в развеивающейся рясе. На секунду их взгляды скрестились, в то время как между ними плясали в воздухе потоки букв. Потом Изида сосредоточила весь свой гнев в сияющем огненном шаре, который оторвался от страниц, шелестевших в её грудной клетке, и полетел в сторону крысы. Усатая противница хотела отразить его с помощью своей сердечной книги, ей это почти удалось, однако в следующую секунду шар подпалил её зелёную рясу. Крыса завизжала, в глубине капюшона вспыхнули языки белого пламени, после чего злобное создание замолкло навсегда.

Изода прислонилась к перилам, переводя дух. Книга в груди ощущалась как водоворот, засасывавший в себя все силы, которыми она располагала. Даже наклон через перила дался ей с трудом, и, увидев внизу, в центре зала, мешанину вспышек и букв, она не смогла распознать в ней ни Дункана, ни последнюю книжную крысу – только два тёмных силуэта в пылу сражения.

«Нужно помочь ему», – подумала Изода.

В следующий момент её пронзила мысль об Абсолоновой книге в сумке Дункана, и её чувства по отношению к нему снова сменились непреодолимым желанием отобрать у него книгу. С этим желанием невозможно было бороться. Она не могла допустить, чтобы с Дунканом что-то случилось, – чтобы он сгорел, как сгорели оба её противника, – тогда книга сгорела бы вместе с ним. С воплем Изода вновь перемахнула через перила.

Приземлившись на пол, она вызвала сплошную стену трепещущих молний – стену библиомантической энергии. Хотя оставшаяся в живых крыса и видела, какая судьба постигла её товарок, она не сдавалась. Была ли это месть, глупость, упрямство или злоба, так или иначе животное не отпрыгнуло в страхе в укрытие, когда Изода, пройдя сквозь мерцающее пламя целой и невредимой, пришла на помочь Дункану. Она чувствовала, в каком углу его сумки лежала Абсолонова книга, неудержимо притягивавшая её к себе.

Крыса испускала ударные волны во все направления – быстрее, чем два других противника Изиды до этого. Звериная внешность была обманчива. Тварь, несомненно, по праву носила имя книжной крысы: должно быть, она прочла тысячи книг, чтобы заполучить то необычайное могущество, которым располагала.

На мгновение перед внутренним взором экслибры предстала совершенно другая картина: крыса, склонившаяся над раскрытой книгой в ярком свете настольной лампы, может быть, где-то в Либрополисе, за спиной – ряды книжных корешков, коготь скользит по строчкам, угольно-чёрные глазки глотают информацию слово за словом. Да, эта тварь была способна на хладнокровное убийство, однако, будучи библиомантом, она, должно быть, страстно любила читать.

Изода умертвила крысу одним ударом, который пронзил горбатое туловище и смял его, как мы сминаем бумажный шарик между указательным и большим пальцами.

Молнии отгорели и погасли, буквы побледнели. Изода нашла взглядом Дункана. Он стоял нагнувшись вперёд, оперев руки на колени и дрожа всем телом.

– Дай мне книгу! – сказала она.

Спутанные волосы практически полностью закрывали лицо Дункана, и Изода была рада, что ей не приходится смотреть ему в глаза.

– Дай – или я возьму её сама!

Глава шестая

Выходя из разрушенного временем корабельного салона и следуя за светящимся шаром, освещавшим им путь в коридор, Фурия видела всё новые и новые ряды пустых книжных полок, множество полуразложившихся книг на полу и даже останки существ, которые, вероятно, когда-то были птичками-оригами. Библиомантика на борту «Флёр» была искоренена подчистую, и тем не менее в воздухе по-прежнему ощущалось словно бы её дальнее эхо. Фурия не знала, было ли это самовнушением или глубоко внутри корабля правда что-то ещё теплилось.

Спустя несколько минут, в течение которых Фурия и Зибенштерн молча следовали через анфилады комнат, взирались по скользким лестницам и пересекали холлы, казавшиеся бесконечными, она наконец вспомнила, откуда ей было знакомо это чувство, — она уже испытывала его в замке на Рейне, когда-то принадлежавшем Розенкрайцам, в нынешнем замке семейства Химмель. Замок пробудился к жизни, когда распознал, откуда Фурия родом. Стены замка помогли девочке в сражении с Ращелью и Файтом: они транслировали ей библиомантическую энергию её далёких предков — правда, с неоднозначным результатом.

— Этот корабль жив, — произнесла Фурия.

— Я на это и надеялся.

— Ты что, не ощущаешь этого?

— Я уже давно не библиомант, Фурия. Кроме того, дело скорее в том, что корабль ощущает *тебя*. Твой дед Кассий был в числе строителей корабля, вероятно, поэтому «Флёр» может распознавать отпрысков семейства Ферфакс, если встретится с ними. Или отпрысков семейства Розенкрайцев — это вопрос терминологии.

— Разве Федра не пыталась разбудить корабль? Она же праматерь библиомантики. Если у кого-то хватит на это сил, то в первую очередь у неё.

— Федра! — Зибенштерн пренебрежительно фыркнул. — У неё нет ни капельки библиомантической силы.

Фурия остановилась:

— Что?

— Пойдём дальше. Я всё тебе расскажу.

Они снова принялись взбираться по лестнице, покрытой коркой грязи. Светящийся шар над головой Фурии отбрасывал на ступеньки их зигзагообразные тени и освещал переливающиеся пятна плесени на стенах.

— Федра не та, за кого ты её принимаешь, — сказал Зибенштерн, когда они достигли верхней площадки лестницы и свернули в короткий коридор. — Она, несомненно, впечатляющая и сильная личность. Ей удалось объединить под своим командованием тысячи чернильных поганок и вести войну, о которой по сей день говорит весь мир библиомантики. Она привлекла в свои ряды несколько могущественных библиомантов и несколько моих экслибров, даже если сейчас у неё остался только один из них. Однако, — подчеркнул он, взяв паузу, — сама она библиомантом не является. И уж конечно она не праматерь библиомантики.

— Я думала, она...

— Да, она *та самая* Федра Геркулания, — перебил её Зибенштерн, приведя тем самым Фурию в ещё большее замешательство, — и в то же время это не она. Прошу прощения, что я тебя запутал. Ты знаешь, что Федра — экслибра. Но единственная книга, из которой могла бы выпасть реальная Федра, — первая «Книга творения», в которой я записал её историю. Та Федра, что правит там, снаружи, выпала из одной из тысяч книг, *пересказывающих* миф о ней, из одного из бесчисленных трактатов, написанных о ней библиомантами. Поэтому она — копия, а не оригинал, так сказать. И именно по этой причине у неё отсутствует дар библиомантики. Можно слепить из глины точную копию пистолета, однако он никогда не выстрелит.

Они дошли до двери, криво висевшей на петлях. За ней находился капитанский мостикик «Флёр де Мари». Когда-то с трёх сторон здесь были широкие окна, однако сейчас стёкла были выбиты, в пустые рамы задувал ветер, разнося по помещению чёрные хлопья.

— Федра пользуется колоссальным авторитетом и, как никто другой, умеет настаивать на своём, но она никогда не была настоящей, *той самой* Федрой. Она — пересказ, интерпретация исследователя, написавшего книгу о возникновении легенды.

Фурия хотела убедиться, что правильно поняла Зибенштерна, поэтому решила уточнить:

— То есть экслибры являются точным воплощением персонажей, только если они выпали из книг, в которых эти персонажи впервые были упомянуты? Как Ариэль, выпавший из «Бури» Шекспира, а не из научного труда о трагедиях Шекспира, так?

— Совершенно верно. Наш мир оказался значительно сложнее, чем ты ожидала, согласна?

Она медленно кивнула, размышляя о последствиях этого факта. Федра была обычным смертным человеком и блестящим полководцем, но не богиней библиомантики. В данный момент это обстоятельство, кажется, ничего не меняло в положении, в котором находилась Фурия, но его стоило запомнить, прежде всего до следующей встречи с ней.

— Пусть это не вводит тебя в заблуждение: Федру нельзя недооценивать, — посоветовал ей Зибенштерн. — Здесь, вочных убежищах, Федра забрала себе всю власть, какую только можно себе вообразить. Армия чернильных поганок слепо повинуется ей, и этот экслибр тоже на её стороне. К нему следует отнести со вниманием. Ты с ним уже познакомилась: это он подобрал тебя между страницами мира и принёс сюда. Он — правая рука Федры.

Фурия плохо помнила экслибра, которого вместе с чернильными поганками встретила среди золотых сетей. Тощая фигура в тёмном облачении, чья грудная клетка на её глазах распахнулась, словно книга, обнажив кипу страниц. Он был вторым экслибром из книг Зибенштерна, которого она встретила на своём пути; как и Изида, он был живой книгой в человеческом обличье.

— Его зовут Ментана, — сказал Зибенштерн. — Я боюсь, что этот персонаж нельзя назвать моей большой удачей, однако...

— Ментана? — перебила его Фурия. — Герцог Ментана?⁵ Негодяй из «Фантастико Фантастичелли...»?

Зибенштерн кивнул:

— Да, я помню, это один из тех злодеев без особых примет, без конца покручивающих усы. — Старик с сожалением развёл руками: — «Фантастико Фантастичелли...» была одной из первых моих книг. Вероятно, лучше описывать людей у меня тогда ещё не получалось.

— Ты прекрасно знаешь, что это моя любимая книга! — вырвалось у Фурии.

На втором месте у неё был «Остров Сокровищ» Стивенсона, за ним — несколько романов, которые Фурии в своё время читала мать. Лишь значительно позже Фурия смогла прочитать, нет — проглотить эти книги самостоятельно, и ни одну из них она не перечитывала так часто, как «Фантастико Фантастичелли...». Целую вечность назад она рассказывала об этом молодому Северину Розенкрайцу, тому самому Северину, который сейчас стоял рядом с ней в обличье озлобленного старика.

— Герцог Ментана... — прошептала она, покачивая головой. — Старший из трёх братьев, отбравших у возлюбленной Фантастико миланский престол.

До того как встретиться с кавалерами и госпожой Антикой, Фурия никого в жизни так истово не ненавидела, как его, выдуманный персонаж из старинного разбойниччьего романа. Она стала его личным заклятым врагом, и каждый раз, перечитывая книгу, всей душой желала ему смерти.

⁵ Герцог Ментана — капитан корабля «Фантастико Фантастичелли», герой романа Зибенштерна «Фантастико Фантастичелли, повелитель осеннего тусклого света».

А теперь он, возможно, спас ей жизнь.

– Ему нельзя доверять, – предупредил Зибенштерн. – Он – тень Федры. Даже если его не видно, он, как правило, находится рядом с ней.

– В реальной жизни он такой же подлец, как и в книге? – Фурия понимала абсурдность этого вопроса, как если бы она интересовалась характером актёра, игравшего какого-то особенно отвратительного персонажа. С той только разницей, что экслибры не играли роли своих персонажей. Они *были* ими.

– Он сложнее, чем в книге, – ответил Зибенштерн. – Что, в сущности, не является большой заслугой. В романе он стремился заполучить только власть и богатство, а здесь, вочных убежищах... Понимаешь, он придерживается определённых принципов и убеждений. И он твёрдо верит в учение о *Liber Incognitus*.

Слушая Зибенштерна, Фурия рассеянно скользила взглядом по капитанской рубке. Только теперь она поняла, что на капитанском мостице «Флёр» не было ни штурвала, ни рычагов, ни кнопок. Было только кресло, похожее на трон, стоявшее на возвышении и обращённое вперёд. Оно чем-то напомнило её старое кресло в имении, и, подойдя поближе, она удостоверилась, что капитанское кресло действительно очень походило на её старое, говорящее. Ветер и осадки разрушили кожаную обивку и подушки, и взору Фурии предстал остов, украшенный микроскопической резьбой, – дерево покрывали ряды букв. Кое-где буквы стёрлись, но большинство строк, вероятно, можно было прочесть – правда, для этого понадобилась бы лупа.

– В этом кресле сидел капитан «Флёр», управлявший кораблём единственно с помощью библиомантической мысленной связи с ним, – объяснил Зибенштерн. – Сядь и попробуй.

Фурия со страхом забралась на дряхлое кресло, устроилась на нём, хотя острые края и ржавые пружины врезались в тело. Но уже спустя пару секунд ей захотелось вскочить с него.

– Сосредоточься, – сказал Зибенштерн.

– Не могу: здесь невозможно сидеть.

Он тихонько вздохнул, когда она слезла с кресла. На самом деле что-то ощутить ей удалось – то же незримое присутствие дальнего эха библиомантики, – но Фурия не хотела, чтобы Зибенштерн пронюхал об этом.

Вместе они перешагнули через раму, в которой когда-то висела распашная дверь – обе створки двери были выломаны давным-давно. Перед ними раскинулась верхняя палуба «Флёр де Марии» – огромное пространство, открытое всем ветрам, с наносами из пыли и пепла, доходившими до щиколоток, усеянное камнями и обломками скал, поднятыми высоко в воздух и занесёнными сюда ужасными смерчами ночных убежищ.

Вслед за Зибенштерном Фурия подошла к проржавевшему ограждению и вместе с ним взглянула вниз, на каменистую пустыню, на цепочку сторожевых огней и дальше, на горизонт. По ту сторону горной гряды костры, полыхавшие в лагере чернильных поганок, отбрасывали оранжево-красные отблески на проносящиеся по небу облака, нависавшие над скалами.

– Ты упоминал о кораблях-порталах в «Книгах творения»? – Фурии приходилось повышать голос, чтобы перекричать порывы ветра. Клюв петушиной книги снова забился глубоко в её карман.

– Нет, – ответил Зибенштерн. – Я многое не предусмотрел, да и не хотел слишком много. Но всё написанное мной всё быстрее выходило из-под контроля. – Казалось, следующие свои слова он тщательно взвешивает. – Особенно с тех пор, как в мире объявился некто, так же способный влиять на прошлое и настоящее.

– Но Федра уже сорок лет находится здесь, в...

– Я имею в виду не Федру, а тебя, Фурия.

Наверное, ей следовало бы удивиться. Возможно, ужаснуться или почувствовать себя польщённой. Вместо этого она ничего не ощутила. Она просто продолжала смотреть вдаль, в непроглядную ночь, ощущая, как Зибенштерн искоса смотрит на неё.

– Ты ведь читала «Книги творения», правда? – спросил он.

– Только первые два тома, и потом ещё одиннадцатый. В своих заметках Ариэль дошёл до седьмого тома, когда до него добрался убийца, посланный Федрой. Что содержат остальные тома, не знает никто, кроме тебя.

– Федра не приказывала убить Ариэля или кого-либо ещё. Экслибр должен был украсть одиннадцатый том, и всё.

– Почему именно одиннадцатый?

– Потому что в нём предсказывается появление экслибров – одно из необдуманных пророчеств, которые я лишь обозначил и которые затем неожиданно вырвались из-под контроля и зажили собственной жизнью. Как навязчивая идея, которую ты записываешь, чтобы от неё отделаться, не предполагая, как долго ещё она будет тебя преследовать. Если бы я знал, какие последствия будут иметь несколько опрометчивых предложений… Но я тогда не ведал, что творил.

– Ну, в любом случае ты был очень изобретателен.

– Долгое время я вообще не принимал всего этого всерьёз. Весь этот проект мира, законы библиомантиki… Это была просто игра, способ убить время для человека, который не знает, про что бы ему такое написать. По мере того как написанное начинало сбываться, я постепенно стал понимать, что нужно быть осторожным. Бремя ответственности давило на меня слишком сильно, поэтому в последнем, двадцать четвёртом, томе у меня есть персонаж, который описывает мне мир библиомантиki из будущего и подаёт мне самую мысль о его создании.

– Если бы в моём времени библиомантика не существовала, я бы не смогла рассказать тебе о ней.

– А если бы ты не рассказала мне о ней, я бы не смог создать её у себя в девятнадцатом веке. Классический временной парадокс: чем больше о нём размышляешь, тем больше он превращается в чёрную дыру, засасывающую в себя всё остальное, и прежде всего законы логики. Однако истории похожи на реальность. Иногда в них существуют провалы, несоответствия, которые, к сожалению, не способны изменить главное – людей, которые действуют в них, и их образ мыслей и чувств.

– Что там написано про меня? – спросила Фурия.

– Что на свете существует ещё кто-то, способный запустить изменение этого мира. Одна девочка, которую зовут Фурия Саламандра Розенкрайц, рождённая в 1999 году. Что только я и она могут переписывать «Книги творения» и таким образом изменять структуру мира библиомантиki.

При других обстоятельствах Фурия, вероятно, не поверила бы ни единому слову Зибенштерна. Однако она вспомнила, что сотворила с Изидой, изменив прошлое, и о непредвиденных последствиях этого действия, затронувших весь мир. Чтобы спасти жизнь Изиды, Фурия превратила её в экслибру из книг Зибенштерна, допустив тем самым возможность экслибрам быть библиомантами. Сама того не желая, она обеспечила равновесие сил между библиомантами и экслибрами, и по сей день никто не мог предсказать, какие последствия это равновесие будет иметь в долгосрочной перспективе.

– Я ненавижу тебя за то, что ты дал мне столько власти, – ровным голосом произнесла она.

– Я сделал это потому, что когда-то ты очень много для меня значила, – возразил он. – Ты подтолкнула меня к созданию мира библиомантиki, когда мы стали переписываться, и начала рассказывать мне о будущем, в котором ты жила. Фактически ты взяла меня за руку и показала, что мне надлежит делать. Я сотворил этот мир для тебя, Фурия, чтобы в один прекрасный день ты тоже воплотилась в жизнь. Мысль о том, что ты так и останешься мечтой, моей собственной выдумкой, была для меня непереносима. Я хотел, чтобы ты стала реальностью, девочкой из плоти и крови. Девочкой, в которую я влюбился в семнадцать лет.

Что она могла возразить на это? Её пальцы крепче вцепились в проржавевшие перила, и она начала считать огоньки костров, горевших внизу. Фурия не хотела углубляться в то, что только что услышала. И меньше всего на свете хотела принимать на себя ответственность, которую взвалил на неё Зибенштерн.

– Я даже не в состоянии как следует присматривать за младшим братом, – произнесла Фурия после долгого молчания. – Когда я взяла на себя ответственность за жизнь Изиды, первое, что я натворила, – перевернула с ног на голову весь мир библиомантики. К чему бы ты ни стремился, ты выбрал неподходящую кандидатуру. Я никогда в жизни не изменю ни единого слова в «Книгах творения». Клянусь!

– Ты единственная, кто ещё может это сделать. Я потерял свои способности библиоманта давным-давно. Даже если бы я хотел, я бы больше не смог изменить ничего. А ты сможешь.

«Ты попытался, – подумала Фурия. – А я тебе не дала этого сделать».

Разве тем самым Фурия не взвалила на себя ту ответственность, от которой она с таким жаром отказывалась сейчас?

– Ненавижу истории о пророчествах, – произнесла она. – И о девочках, которые спасают мир.

– Кто говорит о спасении мира? – возразил Зибенштерн.

Глава седьмая

— Ты это имел в виду? — спросила Фурия и отступила на несколько шагов от перил. — Когда ты сказал, что когда-нибудь я сама захочу написать последнюю пустую книгу, ты думал, что сможешь убедить меня увидеть этот мир твоими глазами? Решить, что мир *заслуживает уничтожения*?

Зибенштерн медленно повернулся к ней. За его спиной в ночном небе алые зарницы раскальвали пополам гряды облаков. На горизонте за пределами долины бурлящей чёрной маской копошились *идеи*, предвестницы хаоса всех цветов радуги, с которыми Фурия встречалась между страницами мира.

— Я не имею в виду разрушение в слепой ярости, — сказал он. — Я имею в виду разрушение как обновление мира. Как попытку сотворить что-то лучшее. Раньше, во время работы над моими романами, я, бывало, вычёркивал и переписывал целые главы, чтобы улучшить историю в целом. Теперь у тебя, Фурия, тоже есть такая возможность — с той только разницей, что ты можешь переписать *свою собственную* историю и историю всех библиомантов на свете. Перепиши «Книги творения» — и ты изменишь прошлое, а вместе с ним — настоящее и будущее. Ты обладаешь достаточной властью, чтобы исправить все мои ошибки и глупости и сделать этот мир лучше. Кто же откажется от такого шанса?

— Я, — ответила Фурия. — Я откажусь от него не раздумывая.

— Только потому, что превращение твоей подруги Изиды имело столь серьёзные последствия? Что в этом плохого? Ты подарила угнетённым экслибрам возможность самим стать библиомантами и оказывать сопротивление Академии. Благодаря тебе этот мир значительно приблизился к ситуации равновесия сил. Разве это не то, чего вы хотели достичь вашей партизанщиной, — равноправия? Одно лишь это изменение дало экслибрам больше, чем все покушения и преступления, совершённые твоими друзьями.

— Ты что, действительно не понимаешь? — Она посмотрела на него в упор. По доскам палубы в очередной раз хлестнул ветер. — То, что произошло тогда, произошло случайно. Последствия могли быть совершенно иными, и гораздо худшими. Риск слишком велик.

— Да, потому что ты не знала, что делала. Но «Книги творения» дают тебе возможность тщательно взвесить твои поступки. Твои дела предстают перед тобой чёрным по белому. Представь себе мир в виде огромного часового механизма. Ты сможешь аккуратно заменять мельчайшие шестерёнки, чтобы стрелки больше никогда не отставали и не спешили.

— Но я не хочу этого могущества!

— Речь не идёт о том, чего хочешь ты. Это миссия, а не развлечение. Ты единственный человек, который в состоянии взять её на себя. Тогда, давным-давно, я бы не доверил её никому другому, и сегодня дела обстоят так же. Время только подтвердило мою правоту: ты примерила эту ответственность на себя и никогда не отнесёшься к ней легкомысленно.

— А как считает Федра? С тех пор, как я сюда попала, я видела её только однажды.

— Именно она поможет тебе добраться до «Книг творения». И как можно скорее, прежде чем *идеи* доберутся до этих мест и поглотят всё вокруг. — Зибенштерн глянул вверх — туда, где чернота на безвоздушном небе была гуще всего. — У нас есть всего пара дней, не больше.

Фурия пристально посмотрела ему в глаза.

— Но у неё другие цели, чем у тебя, так ведь? Иначе ты бы не притащил меня сюда, чтобы обсудить всё это.

Зибенштерн кивнул с улыбкой:

— Она сама решит, когда посвятить тебя в свой план. Ясно одно: ты получишь возможность переписать «Книги творения». Федра надеялась, что это произойдёт здесь, в ночных убежищах, поэтому она хотела переправить сюда одиннадцатый том. Но, похоже, всё усложняется.

– Но тогда мне нужно будет вернуться в резиденцию!

«Вернуться домой!» – пронзила её радостная мысль. Только Фурия знала, куда она спрятала тома, – в глубине библиотеки, в бывших римских катакомбах. На этот раз Федра не сможет послать туда никого другого. Возможность покинутьочные убежища внезапно придвижнулась ближе, стала здимой и ощущимой.

– Я знаю, о чём ты думаешь, – продолжил Зибенштерн. – Но даже если тебе удастся сбежать от Федры, неужели ты захочешь, чтобы все эти бедствующие внизу, в долине, остались на твоей совести?

– Чернильные поганки! – вырвалось у неё. – Они убили столько библиомантов, что я не...

– Они защищались от нападений Академии. Кроме того, с тех пор сменилось несколько поколений. Твой отец сражался вочных убежищах. Сколько ему было лет, когда он умер? Около шестидесяти? До этого возраста здесь не доживает никто. Дожить до сорока здесь большее счастье: большинство поганок умирают гораздо раньше. В лагере ты не найдёшь никого, кто бы сам участвовал в прошедшей войне.

– И ты, и Федра, вы оба требуете от меня переписать «Книги творения». Но вы хотите, чтобы я изменила в них ход событий. Федра считает, что, переписав одиннадцатый том, я смогу изменить историю экслибров так, чтобы чернильные поганки никогда не появлялись на свет. Ты же хочешь ещё большего.

– У меня хватило времени обдумать все ошибки, которые я когда-либо совершал. Они касаются не только экслибров, но и библиомантики в целом, начиная с «Алого зала» и Академии и заканчивая очными убежищами и страшными последствиями. У меня есть план, как улучшить этот мир, Фурия. Вдвоём мы могли бы осуществить его. Месяцами я скитался по очным убежищам, выстраивая в голове идеальный мир. Мы могли бы воплотить его в жизнь. Безупречный мир для всех, кто любит книги.

– Ты уже попробовал воплотить его в жизнь.

Зибенштерн кивнул:

– Я был молод и полон энтузиазма, но не слишком мудр. Мне не хватало опыта в обращении с подобными вещами. Кроме того, я пытался улучшить обстоятельства, которые уже существовали. Моё семейство и четыре других, основавшие «Алый зал», – глупо было включать их в мир библиомантики.

– И поэтому сейчас ты хочешь искоренить всё, что не соответствует твоим идеалам? Нет! Ты хочешь не изменить несовершенные части мира, а сделать их *никогда не бывшими*! И вписать на их место что-нибудь другое. Причём никто не даст тебе гарантии, что в один прекрасный день новые обстоятельства не будут разворачиваться так, что тебе это придётся не по вкусу. Ошибки как болезни: они без предупреждения возникают там, где ещё вчера была здоровая ткань. Создания, населяющие мир, который ты сотворил, всегда будут влиять на его судьбу. Невозможно предсказать и заранее исправить все неудачи.

– Я извлёк уроки из того, что произошло. Мы перечеркнём войну и все её причины.

– Ах вот как? Ты хочешь не улучшить положение экслибров, как Федра. Повторяю: ты хочешь убрать их совсем, сделать *никогда не бывшими*? – Она взглянула на него, качая головой. – Тогда ты ничем не лучше Академии, Северин. В итоге и ты, и Академия хотите искоренить экслибров и чернильных поганок.

– Уничтожить их посредством войны не то же самое, что заранее исправить ошибку, приведшую к их возникновению! – негодующе огрызнулся старик. – Они же выпали из книг не по собственной воле! Мы просто не дадим им выпадать из своих историй. Лично я ничего плохого в этом не вижу. Ты думаешь, хоть кто-то из них сожалел бы, если бы вообще не попал в этот мир и остался в своём?

Фурия вспомнила о Джиме. Сейчас она с радостью спросила бы его, что он думает по этому поводу. Несмотря на то что она жила бок о бок с экслибрами много месяцев, у неё всё

ещё не получалось поставить себя на их место. Конечно, никто по доброй воле не стал бы жить в гетто за колючей проволокой в угнетённом положении. Но разве среди экслибров в имении многие не предпочитали свою нынешнюю жизнь той, которую они влачили в книгах? В «Буре» Шекспира Ариэль был пленником, слугой мага Просперо. В мире библиомантиki у него хотя бы появилась возможность самому стать хозяином своей судьбы. Он ни при каких обстоятельствах не согласился бы с теорией Зибенштерна. Он умер свободным.

Фурия сжала кулаки:

– Тогда я была бы часовщиком, который понятия не имеет, как устроен часовой механизм! Кто доверит такому чинить свои часы!

– Я мог бы быть твоим советником.

– Ты хочешь, чтобы я была твоей марионеткой. Как Рашиль – марионетка Академии.

Старик энергично потряс головой:

– Это не так! Я имею в виду…

Однако Фурия уже не слушала его. Она достала петушиную книгу, расщепила страничное сердце и быстрыми шагами направилась к одному из проломов в перилах – создавалось впечатление, как будто гигантская пасть откусила от них кусок.

– Не делай этого! – крикнул ей старик.

Она множество раз видела, как летали Изида и Сammerбель, а однажды летающие кавалеры гнались за ней по крышам Либрополиса. Только у неё самой оторваться от земли ещё никогда не получалось. Когда они тренировались с Сammerбель, та говорила, что Фурия не может до конца отключить голову и слишком рационально подходит к вопросу.

Возможно, смешанные чувства и ярость как раз и придадут ей недостающее ускорение. Самое время попробовать. Если же ничего не выйдет и она разобьётся о скалы внизу, остальные проблемы тоже, так сказать, разрешатся сами собой.

– Фурия, пожалуйста!..

Она не слушала его, на ходу читая слова страничного сердца.

Зибенштерн хотел загородить ей дорогу, но не успел, ведь двигался слишком медленно, и Фурия добралась до места со сломанными перилами, немного опередив его. Когда он протянул руку, чтобы удержать её, она закрыла глаза и шагнула с края палубы.

– Ну вот, и эта участь меня не минует, – прокаркала петушиная книга.

Палубы под ногами Фурии уже не было: под ней зияла пропасть. Секунду, показавшуюся девочке бесконечной, она ощущала падение – словно прыжок с трёхметровой вышки. Её тело приготовилось упасть, в животе ёкнуло.

У неё получилось держать равновесие – и страх высоты вдруг пропал. Она стояла в воздухе выпрямившись, чуть покачиваясь, неуверенная в том, как это должно быть, но парящая над землёй. Ощущение падения, от которого у неё только что сжалось всё внутри, уступило место радостному возбуждению.

– Фурия! – услышала она вопль Зибенштерна, но не обратила на него внимания, паря высоко над лавовыми нагромождениями и борясь с желанием замахать в воздухе руками.

Одновременно она спустилась чуть ниже, но очень медленно, как будто сила земного притяжения не до конца потеряла над ней власть. Это был первый успех, да, это был успех, за которым она почти забыла разговоры Зибенштерна о переписывании мира и её собственной роли в нём. Прошло не менее полминуты, прежде чем Фурия достигла земли и легко опустилась на её поверхность подошвами туфель. Она глубоко вздохнула, облегчённо и удовлетворённо одновременно, и только сейчас оглянулась на гигантский остов «Флёр», вздымавшийся за её спиной, словно горный хребет. На палубе корабля, возле перил, при вспышках зарниц можно было различить фигуру Зибенштерна – одинокий силуэт, обращённый в её сторону. Даже если он что-то кричал ей, слова относило ветром и их нельзя было разобрать.

По каменистым обломкам Фурия заторопилась к цепочке лагерных костров. Часовые пропустили её, но Фурия ощущала у себя на спине их взгляды спустя долгое время, уже взбираясь по склону холма, когда между ней и лагерем встали каменистые громады. Только оказавшись на вершине, она остановилась и оглядела море огней, раскинувшееся внизу. Из долины доносились неистовая барабанная дробь. Разницы между ночью и днём не существовало, поэтому лагерь никогда не спал.

Вместо того чтобы вернуться тем же путём, которым она пришла вместе с Зибенштерном, она повернула направо, по широкой дуге обогнула бункер Федры и прилегающие к нему постройки, стоявшие на полпути вниз, и продолжила спуск, направляясь к ответвлениям лагеря чернильных поганок.

– Что у тебя на уме? – робко спросила петушиная книга.

– Я схожу к ним.

– М-м-м... Что?

– Я ничего о них не знаю. Всё, что мне известно, – это то, что когда-то они были экслибрисами, которых Академия депортировала вочные убежища и которые здесь впоследствии мутировали.

– И что они людоеды? – напомнила книга.

– Да, и это тоже.

– Может быть, они едят даже книги!

– Кто знает... – вздохнула Фурия.

– И всё это не побуждает тебя держаться от них подальше?

– Если бы я верила всему, что слышала о петушиных книгах, ты бы не была сейчас моей сердечной книгой.

– Можно подумать, у тебя был выбор! – вознегодовала книга. – Нет уж! Судьба связала нас, как Робинзона и Пятницу, как Робин Гуда и леди Мэриан, как...

– Если я и вправду могу их спасти, тогда мне нужно к ним присмотреться.

– Может быть, ты могла бы спасти их издалека? – спросила петушиная книга. – Или спасти как-нибудь *немноожко*. Или вообще не спасать их, а вместо этого спасти *нас с тобой*.

– Я в процессе.

– Кончится тем, что нас насадят на вертел и поджарят на дымящемся костре! Тебя на длинном шампуре, а меня на коротком.

– Доверься мне.

– Ну да, как же! Из-за кого мы здесь оказались?

Фурия была рада, что у петушиной книги нет рук, иначе она бы непременно высунула из кармана поучащий указательный палец.

– Кто из нас сохранял благоразумие и призывал к осторожности? Чьим советам опять не вняли? Это не только больно и обидно – это приведёт к тому, что меня *съедят!* – воскликнула книга.

– Они решат: такой маленькой книжечкой нельзя наесться, лучше мы её отпустим.

– Ага, вместо этого мы зажарим наглую девицу, вот только добавим розмарина, и...

– Тихо! – Фурия вылезла из-за нагромождения камней. – Мы уже почти на месте.

– Кажется, я их ужечу.

Им навстречу повеяло запахами хлева. Фурия вспомнила хозяйственные постройки в Котсуолде, корыта с объедками, сточные канавы и резиновые сапоги, воняющие потными ногами.

– Шампуры! – жалобно взывала книга. – И огонь!

Фурия глубоко вздохнула, выдохнула, расправила плечи и преодолела последние метры до лагеря чернильных поганок.

Она успела как раз вовремя, чтобы застать в живых Мать пятнадцати.

Глава восьмая

Издалека Фурия не видела в лагере ничего, кроме костров, – целое море светящихся точек. Теперь же перед ней из темноты выступал рассечённый трещинами силуэт, простиравшийся от одного края долины до другого, – силуэт беспорядочно разросшейся массы построек, прилепившихся друг к другу, где в качестве строительного материала использовалось абсолютно всё, что чернильные поганки находили во время своих вылазок. Из грубо отёсанного камня были сложены подобия стен, скорее напоминавшие загоны для скота, чем здания. Дерева не хватало, поэтому настоящих крыш в лагере практически не было – только брезентовые навесы, растянутые над каменными стенами.

В некоторых местах среди строительного материала можно было различить детали старых автомобилей, которые, вероятно, в начале войны переправили сюда через портал, – двери, капоты, крышки багажника, даже колёсные ободья и треснувшее безопасное стекло. В одном месте Фурии показалось, что она увидела гусеницу танка, положенную как зубчатый венец поверх стены. По всей видимости, во время войны вочных убежищах использовалась не только библиомантика, но и вооружённая гвардия Академии. О войне Фурии было известно слишком мало, чтобы представить, как всё было на самом деле.

Причудливое нагромождение скальных обломков, разнообразного хлама и взлетающих при порывах ветра обрывков полиэтиленовых пакетов, покрывающих почву долины, казалось, представляло собой единую гигантскую постройку, похожую скорее на раздавленное осиное гнездо, чем на человеческое поселение. Вся эта одноэтажная конструкция была донельзя запутанной – настоящий лабиринт, казавшийся Фурии более беспорядочным, чем коридоры библиотеки внизу под резиденцией.

После того как Фурия пролезла в лагерь через отверстие между несцементированной кладкой камней и сшитыми кроличьими шкурками, она обнаружила, что брезентовые навесы здесь покрывали целые улицы. Только там, где горели костры, – во рвах, ямах, выстланных обрезками жести, и старых бочках из-под машинного масла, – навесов не было, или же в них были прорезаны дыры. Дым от множества костров не мог выйти наружу через эти отверстия, и едкий чад, от которого у Фурии першило в горле, наполнял улицы лагеря.

– Ну вот, уже начинается! – сказала петушиная книга. – Они поджаривают нас заживо.

Фурия решила пока не вытаскивать книгу из кармана камуфляжных штанов: она не знала, как чернильные поганки воспримут её вид.

За открытыми проходами девочка видела жилища, устланные одеялами и шкурами, практически все пустые. Кое-где угадывались очертания человеческих фигур, но Фурия не была уверена, что поганки, в свою очередь, замечают её.

Девочку охватило странное спокойствие: как будто дым, першивший в горле, воздействовал на её состояние духа. Возможно, Федра действительно распорядилась добавлять в пламя успокоительные вещества, делающие её подданных-варваров послушнее.

Какой-то мужчина направился к ней и, подойдя ближе, протянул Фурии руку. Он был истощён, тело покрыто иссиня-чёрными пятнами. Широко расставленные глаза были маленькими, гораздо меньше, чем у обычных людей. Челюсть, напротив, казалась намного больше. Рот был приоткрыт. Создавалось впечатление, что его лицо состояло главным образом из зубов.

Он что-то крикнул ей, она не поняла что. Между собой поганки изъяснялись с помощью странных звуков, напоминавших Фурии давно забытые блатные жаргоны, немецкий ротвельш и французское арго, которые иногда использовались в старинных романах. Слова из них Зибенштерн в изобилии рассыпал и в «Фантастико...».

Мужчина не последовал за ней, когда Фурия поспешила прочь. Вскоре её начали замечать и другие чернильные поганки, всё чаще из темноты и тумана на неё выплывали причудливые рожи. Один раз три поганки загородили ей дорогу, и она была уже готова вытянуть из кармана свою сердечную книгу и раскрыть её. Однако они неохотно расступились, как будто услышав чьё-то предупреждение. Возможно, Федра предвидела, что Фурия захочет удовлетворить своё любопытство и должным образом подготовила своих подданных?

– Прокопят, зажарят и сожрут, – прошептала петушиная книга. – Я этого не заслужила!

Большинство обитателей лагеря носили такую же обветшавшую и чиненую-перечиненную одежду, как и сама Фурия, – трофеи с полей сражений, неоднократно заштопанные и перелатанные.

Вскоре с противоположной стороны прохода Фурия увидела костище под открытым небом. Более двух десятков чернильных поганок самых разных возрастов собирались у огня. Они ели кроличье мясо, жаренное на шампурах, или напевали себе под нос какие-то мотивчики, попадая в ритм барабанов. Жёсткие волокна мяса между оскаленными зубами заставляли Фурию нервничать. Она слышала, как в кармане на бедре бурчит и ругается петушиная книга, но не обращала на её жалобы внимания.

Девочка обогнула ещё два костра, чтобы не встречаться с поганками, и в результате попала в некое подобие дворика. Куча пепла в его середине и отверстие в брезентовом навесе, через которое было видно ночное небо, позволяли предположить, что здесь совсем недавно тоже горел костёр. За загородками из шкур и крошащейся кладкой, окаймлявшими дворик, раздавались тихие голоса, иногда слышался свист, также уже знакомый Фурии. Возможно, это чернильные поганки, преследовавшие её, перекликались между собой.

Хотя Фурия знала, что предостережения петушиной книги имели под собой все основания, но не могла не поддаться очарованию лагеря и его обитателей. Девочка уже давно могла повернуть обратно – разве она не увидела достаточно для того, чтобы составить себе первое впечатление? – однако вместо этого продвигалась всё глубже в лабиринт ходов. Фурия уже давно потеряла ориентацию: она не знала, где находится.

– Ты заблудилась. – Петушиная книга чувствовала, что происходит на душе у девочки. – Ну конечно, как же иначе!

– Компас пригодился бы нам больше, чем твоё вечное бурчание.

– Моя дорогая, компас бы ничего нам не дал, потому что в этом отвратительном месте отсутствуют стороны света.

Конечно, Фурия знала это.

– Всезнайка!

– Глупый ребёнок!

Негодяя, Фурия вытащила книгу из кармана. Жёлтый клюв воинственно вытянулся ей навстречу.

– Всё это кончится плохо, – прокаркал он.

– Кричи громче – ещё не весь лагерь услышал.

– Гетто в Либрополисе – просто рай небесный по сравнению с этой дырой! – возразил клюв петушиной книги.

– Тогда почему ты сбежала от Иеремии, если у него тебе так замечательно жилось?! – съязвила Фурия.

– Я пользовалась успехом. На меня обращали внимание. Я была прославленным ветераном...

– Прежде всего ты была самой быстрой петушиной книгой в мире – судя по тому, как шустро ты улизнула после последнего боя!

– Умная книга не упустит своего шанса, – парировала книга.

— Угу, чтобы потом позволить Кэт заманить себя в ловушку, купившись на парочку открыток! — заявила девочка.

— Я умирала с голода! А открытки очень вкусные.

— Ты просто ненасытная обжора!

— Ничего, мы ещё посмотрим, насколько ненасытны эти чернильные…

Кто-то кашлянул. Фурия и петушиная книга замолкли.

— Пожалуйста, вы не могли бы вести себя потише? Тут у нас умирает кое-кто, — подала голос тощая фигура, бегло изъясняясь по-английски.

— Только не я! — Клюв петушиной книги с быстротой молнии исчез глубоко под обложкой.

Фурия зажала книгу в руке, чтобы в случае необходимости быстро расщепить страничное сердце, однако пока не открывала её. Прищурив глаза, она заглянула в темень одного из проходов.

— Это Мать пятнадцати, — объяснил детский голос. — Она при смерти.

Мгновение Фурия колебалась, а затем шагнула в сторону мальчика — чернильной поганки. У него была гладко выбритая голова, как и у большинства детей и подростков в лагере, — вероятно, чтобы не подцепить вшей и других насекомых. Его голая грудь, испещрённая иссиня-чёрными пятнами, была украшена светлыми поперечными полосами, нарисованными или вытатуированными — при таком слабом освещении она не могла разглядеть как следит. Он был босой. Ветхие штаны едва прикрывали колени.

— Простите, — сказала Фурия, — мы не хотели проявить неуважения.

Мальчик был явно моложе Фурии, хотя определить возраст чернильной поганки с первого взгляда было практически невозможно: тяжёлая жизнь вочных убежищах накладывала отпечаток даже на детские лица.

Он молча повернулся и исчез в темноте.

— Бежим отсюда! — прошептала петушиная книга.

Но Фурия последовала за парнишкой.

— Что ты делаешь?!

Девочка вошла в жилище, сложенное из грубого камня и напоминающее снежное ёлку. Прошло некоторое время, пока её глаза привыкли к темноте, и тогда она заметила слабый отблеск огня, падавший через отверстие в противоположном конце помещения. Мальчик прошёл сквозь него и исчез, она еле успела заметить, куда он делся.

— Чуешь? — прошептала петушиная книга. — Пахнет жареной человечиной!

— А вот и нет, — тихо возразила девочка, вышла из помещения и свернула в один из крытых проходов между постройками.

Навес над ней похлопывал, колыхаемый ветром. Откуда-то, совсем неподалёку, раздавались многочисленные голоса. Она собралась с духом и пошла в ту сторону.

Следующая постройка была больше, чем каменное ёлку, но вместо крыши сверху на ней был натянут полог, сшитый из кроличьих шкурок. Должно быть, кто-то потратил уйму времени, чтобы сшить столько шкурок вместе. Полог, вероятно, кое-как укрывал обитателей жилища от дождя и угольной пыли.

В центре помещения на сером меховом покрывале, — единственном удобстве в грязной хижине, — не подавая признаков жизни, лежала женщина с коротко стриженными волосами, напоминавшими щетину. Рядом с ней, в перевёрнутом стальном шлеме, горел огонь.

Вокруг женщины, усевшись по-турецки, скрестив руки на груди и закрыв глаза, сидели несколько полуголых девочек и мальчиков. Мальчик, за которым последовала Фурия, опустился на свободное место в кругу и принял ту же позу — по-видимому, ритуальную. Прежде чем сесть, он коротко глянул на Фурию, но его взгляд девочка никак не смогла истолковать.

Самый старший среди детей, уже почти взрослый, опустил руки, поднял с пола книгу, открыл её и начал тихо говорить на языке чернильных поганок. Другие дети прервали монотонное бормотание. Они, по всей видимости, таким образом прощались со своей матерью.

Фурия прикусила нижнюю губу: ей стало ужасно стыдно, что она вломилась сюда посреди траурной церемонии, как какая-нибудь наглая туристка. Медленно, чтобы не мешать остальным, она отошла к проходу и хотела повернуться, чтобы выйти, когда старший из детей прервал чтение.

– Подожди, – попросил юноша.

Сначала Фурия не собиралась оставаться. Однако потом она всё же вернулась в хижину и, поколебавшись, опустилась на колени, чтобы детям не приходилось задирать головы, глядя на неё.

Заглавие на переплётё книги находилось кверху ногами: юноша держал её неправильно. Оказывается, он лишь делал вид, что читает. И ещё одну вещь заметила Фурия: полуодетые тела всех восьми детей покрывали строчки из белых букв, а не полосы, как ей показалось сначала.

– Ты – библиомантка, – сказал юноша с книгой, в то время как мальчик помладше, вслед за которым она пришла сюда, не выпускал её из виду. Его братья и сёстры тоже таращились на неё. – Нам было предсказано, что ты придёшь.

Предсказано? Как будто она – святая или спасительница.

– Я – Фурия, – сообщила девочка.

– Я – Третий сын, – представился старший из детей. Он указал на другого мальчика: – Это – Восьмой сын.

От возбуждения петушина книга впилась клювом в ладонь Фурии, но девочка ощутила это только как лёгкое пощипывание.

– Мать пятнадцати. – Одна из девочек показала на безжизненно лежавшую женщину.

Получалось, что семи её детей здесь не было. Только через некоторое время до Фурии дошло, что, вероятно, их нет в живых. Детская смертность в таком месте, как этот лагерь, должно быть, была чрезвычайно высока.

– Мне очень жаль, – сказала Фурия. – Мы вам помешали. Мы не… я не хотела.

– Ты библиомантка? – спросил Восьмой сын.

– Да, – подтвердила она. У неё засосало под ложечкой, а пульс просто захлёбывался.

– Ты можешь провести её *туда*? – спросил Третий сын.

Фурия боролась с желанием вскочить и убежать. Она медлила с ответом.

Лицо Третьего сына омрачилось.

– Ты можешь провести её *туда*? – ещё раз спросил он.

Чернильные поганки явно были убеждены, что у Фурии есть какая-то особая власть, и, увидев, как они притворялись, что умеют читать, она поняла, *какая* именно. Дети умирающей думали, что библиомантка сможет облегчить их матери переход в другой мир. Возможно, потому, что в их глазах библиоманты понимали толк в смерти и убийстве.

У Фурии по коже побежали мурашки.

– Подойди ближе, – попросила одна из девочек и подвинулась, освободив место в кругу для Фурии.

Фурия больше не размышляла о последствиях. Вместо этого она действовала инстинктивно – опустилась на свободное место в кругу, села по-турецки и положила петушиную книгу себе на колени.

В отблесках пламени она разглядела, что буквы, пропадающие на телах мальчиков и девочек, не образовывали слов, а представляли собой абракадабру. Должно быть, они были срисованы из одного из заражённых книжной лихорадкой томов из библиотеки «Флёр де Мари». Вероятнее всего, из той книги, которую держал в руках Третий сын.

Он поймал взгляд, который она бросила на книгу, и быстро спрятал её за спину.

– Это наше.

– Я не хочу отбирать её у вас.

– А ты и не сможешь, – возразила одна из девочек, предположительно того же возраста, что и Фурия. – Нас много, а ты одна. Это наша книга!

Третий сын огрызнулся на сестру, она в ответ зашипела на него.

– Это книга со старого корабля? – спросила Фурия.

Дети опасливо переглянулись.

– Да ладно, не бойтесь. Я никому не расскажу.

Фурия положила ладонь на свою сердечную книгу. Клюв спрятался глубоко в обложку и не издавал ни звука.

Грудная клетка женщины поднималась и опускалась через неравные промежутки времени, периодически изо рта вырывался мучительный стон. Самая старшая из девочек склонилась к ней и смачивала ей губы влажной тканью.

– Женщина понимает меня? – обернулась Фурия к Третьему сыну. – Это она выучила вас моему языку?

Мальчик кивнул:

– И ёщё Мать восемнадцати – мать Матери пятнадцати.

Фурия ощущала такой же жуткий страх, который испытывала петушиная книга. Именно сейчас ей бы не помешало немногого уверенности в себе.

«Только не подведи меня!» – подумала она, раскрывая книгу где-то на середине.

Мальчик с книгой по-обезьяньи повторил её движение, словно зеркальное отражение. При этом он напряжённо смотрел на её руки, чтобы не упустить ни малейшей детали.

От возбуждения Фурия стала задыхаться: только теперь до неё дошло, во что именно она ввязалась. Если бы женщина, лежавшая перед ней, была уже мертва, девочке было бы легче притворяться перед её детьми, что она способна сделать то, за чем они позвали её. Однако Фурии было ясно: они ожидают от неё не пары слов утешения, которые должны облегчить их матери последний путь.

Она должна *убить* Мать пятнадцати. Возможно, среди чернильных поганок это служило гарантией попадания на небеса – в Асгард⁶ или во что они там верили? – если жизнь чернильной поганки прервёт библиомант. Пережиток военного времени.

– Проведи её! – потребовал Восьмой сын.

Все остальные повторили хором:

– Проведи её! Проведи её!

Лицо женщины несло на себе печать жесточайших лишений: щёки запали, лицо избороздили шрамы и морщины. До подбородка тело было прикрыто ветхим одеялом, однако его контуры под ним обнаруживали крайнюю степень истощения. Босые ноги, выглядывавшие из-под одеяла, напоминали кости скелета, а руки, казалось, тоже состояли только из костей и сухожилий. Угольно-чёрная кожа с оттенком синего у женщины выцвела до серого цвета. Глаза были покрыты струпьями, губы потрескались, словно высохшая сахарная глазурь. Фурия видела, как от пули умер её отец, однако он был здоровым и сильным шестидесятилетним мужчиной. Этой же женщине, должно быть, не было и сорока, но в момент смерти она казалась намного старше, чем Тиберий Ферфакс.

– Проведи её!

Никого из присутствовавших не интересовали её сомнения. Мальчики и девочки видели перед собой свою мать на смертном одре, не заслуживавшую дальнейших страданий.

– Давай же! – потребовал Восьмой сын.

⁶ Асгард – небесный город, обитель богов-асов в скандинавской мифологии.

И Фурия расщепила страничное сердце. Третий сын повторил за ней её движения: он расправил страницу обеими руками и поставил обе ладони ребром посреди своей раскрытой книги. Под ладонями Фурии страница разделилась на два слоя, через них пробился луч и осветил измощёные лица. Под руками мальчика не произошло ничего подобного, но он по-прежнему зеркально копировал библиомантический ритуал.

– Проведи её, – попросила девочка, смачивавшая матери губы. – Пожалуйста! Скорее!

Петушиная книга молчала, пока Фурия читала про себя тайные знаки внутри страничного сердца, шевеля губами.

Мать пятнадцати умирала, и Фурия никогда не узнает, что послужило причиной её смерти. Вероятно, жители лагеря страдали болезнями, которые во внешнем мире и остальных убежищах давно уже удалось искоренить. Может быть, у неё было воспаление лёгких или рак, а может быть, и простой грипп. Фурия закрыла глаза и увидела перед собой надпись, словно бы горящую с внутренней стороны век. Она сосредоточилась на грудной клетке женщины. В кромешной темноте – чернее, чем вечная ночь Забытых земель, – девочка ощутила, как еле трепещет изношенное сердце несчастной.

«Пожалуйста! – эхом отдалось у неё в голове. Это был голос девочки, звучавший громче, чем хор остальных детей. – Скорее!»

Всё получилось гораздо легче, чем ожидала Фурия. Она просто пожелала, чтобы произошло то, что в данный момент было правильнее всего. Сердце женщины медленно затихло, как затахает котёнок, свернувшись клубком, успокоилось и больше не билось. Предсмертный хрип тоже затих, и на головы детей снизошла тишина. Фурии казалось, что она сама перешла куда-то – туда, где были мир и покой. Как будто она взяла женщину за руку и показала ей дорогу в мир, который был намного лучше этого. Без боли и без бремени ответственности на плечах.

– Спасибо. – На плечо Фурии опустилась чья-то лёгкая рука. Она открыла глаза и уви-дела, что рука принадлежала девочке, которая подвинулась, чтобы Фурия могла сесть в круг. – За то, что ты сделала.

– Она перешла в другой мир, – сказал Третий сын и повторил то же самое на языке чернильных поганок. Было похоже и в то же время совсем иначе. – Буквенная Мария вывела её из кромешной тьмы туда, где сияет вечный день.

И снова раздалось монотонное бормотание, звучавшее тем мелодичнее, чем дольше Фурия слушала его.

Она помедлила, прежде чем взглянуть на женщину в центре круга, но потом всё же посмотрела на неё. Умершая не выглядела умиротворённой, на её лице по-прежнему лежала печать страданий и лишений жизни в вечной темноте, печать потери половины собственных детей и печать невзгод, которые она, несомненно, претерпела, чтобы вскормить и вырастить выживших детей. Но она научила их говорить по-английски, научила языку предков, которые в незапамятные времена выпали из книг и были брошены умирать в этой пустыне.

– *Буквенная Мария провела Мать пятнадцати из ночи в день*, – подытожил Третий сын.

Вот каким был для чернильных поганок потусторонний мир – свет за пределами ночных убежищ, обещание света после жизни в темноте.

Слёзы бежали по щекам Фурии, мешаясь с пылью Забытых земель. Она медленно поднялась. Восьмой сын – мальчик, который привёл её сюда, – тоже вскочил на ноги. Некоторые из его братьев и сестёр посмотрели на неё. Третий сын растянул губы в гримасе, и Фурия поняла, что это улыбка, хотя с обычной улыбкой она имела мало общего: вместо зубов во рту были одни гнилые обломки.

Девочка, смачивавшая матери губы, тоже поднялась на ноги. Она и Восьмой сын встали слева и справа от Фурии.

– Я – Вторая дочь, – сказала девочка. – Ты провела Мать пятнадцати к свету. Теперь мы проведём тебя туда, куда ты захочешь.

Глава девятая

Вторая дочь и Восьмой сын отвели Фурию к границе лагеря. Они продолжали следовать за ней на некотором расстоянии, когда она взбиралась по каменистому склону, даже после того, как она объяснила им, что остаток пути она хотела бы пройти одна.

Последняя часть подъёма была почти отвесной. Вскоре Фурия добралась до крепостной стены, сложенной из обломков скал перед входом в бункер Федры. Когда девочка наконец преодолела подъём, перед ней открылась небольшая ровная площадка. В дальней её части располагалась металлическая дверь, ведущая внутрь горы, такая проржавевшая, что по виду она практически не отличалась от окружающих её бурых скал.

Из расщелин в скалах вдруг выступили четыре чернильные поганки. Все они были в камуфляжных армейских штанах и серых свитерах. Их головы были гладко выбриты, как у детей в лагере, из-под низких покатых лбов мрачно глядели широко расставленные глаза.

До сих пор Фурия каждый раз беспрепятственно проходила мимо постов, однако в этот раз один из стражников загородил ей дорогу.

– Дальше нельзя! – Его произношение было и вполовину не такое хорошее, как произношение Восьмого сына.

– Что произошло?

– Федра желает, чтобы ей не мешали.

Страж называл Федру по имени, а не титуловал её иносказательно. Фурия так и не поняла, была ли Федра узурпаторшей или благодетельницей чернильных поганок.

– Но ей кое-что от меня надо, – возразила она. Возможно, это была ложь, возможно, и не совсем ложь.

– Убирайся! – велел страж. К нему присоединился второй, в то время как двое остальных не трогались с места. – Уходи!

Похоже, каждый, буквально каждый житель ночных убежищ имел на Фурию какие-то планы. Зибенштерн ожидал от неё, что она осуществит его сумасшедшие планы. Федра, несомненно, тоже отвела Фурии какую-то роль. Только что Фурии пришлось прервать жизнь совершенно чужого ей человека, фактически не имея выбора. А теперь перед ней стояли эти стражи и обращались с ней как с неразумным дитята.

Гнев девочки накатил на неё, словно цунами. Она отступила на три шага назад, так что её лопатки коснулись скалы, и раскрыла сердечную книгу. Наверняка на свете были и другие аргументы, не столь агрессивные, но сейчас она не была настроена миндальничать. Фурия расщепила страничное сердце и молниеносно послала в каждого из стражей по ударной волне. Всё произошло так быстро, что стражи не поняли, что с ними произошло. Только что они стояли перед Фурией, загораживая ей дорогу, – и вдруг, как тряпичные куклы, отлетели в сторону. Девочка не хотела причинять им вред, во всяком случае слишком большой вред, но возиться с ними дальше у неё не было никакого желания. Она почувствовала слабую отдачу после залпа библиомантики. Раньше отдача причиняла ей серьёзное неудобство, сейчас она ощущалась как едва заметное покалывание.

Глубоко внутри Фурии зародилась мысль о том, что всё это было слишком просто. Это могла быть ловушка.

За её спиной возликовали Восьмой сын и Вторая дочь, вскарабкавшиеся за ней по крепостной стене. Они помахали ей на прощание и вновь исчезли за одной из скал. Фурия услышала, как они шагают по осипи, спускаясь со склона.

Стражи, постனывая, лежали в нескольких шагах от девочки. Фурия отворила металлическую дверь и оказалась внутри горы. Перед ней открылся короткий проход, из которого, в

свою очередь, вело полдюжины других дверей, по три с каждой стороны. Из-за одной из них падал слабый свет.

Фурия не знала точно, сколько именно времени прошло с момента её пробуждения вочных убежищах, однако полагала, что находится здесь уже несколько дней. Три раза за это время она укладывалась спать в одной из каморок бункера, тесной, с четырьмя скрипучими двухэтажными кроватями. В каморке девочка была одна, поэтому могла выбрать себе любую постель. Засыпая, она старалась не обращать внимания на запах плесени, исходивший от матраца.

Бункер был небольшим – всего шесть комнатушек, бог знает сколько лет назад выдолбленных в скале. В тот единственный раз, когда Фурия виделась с Федрой, правительница рассказала ей, что когда-то эта долина и окружающие её горные хребты находились гораздо ближе к порталу – единственному входу вочные убежища. При отступлении войска Академии разрушили портал, и в течение многих лет весь лагерь постепенно отодвигался от того места, где он находился. Горы в Забытых землях перемещались туда-сюда, словно облака в небе. На каждом шагу без предупреждения могла вдруг открыться зияющая пропасть, а массивные каньоны, напротив, могли исчезнуть всего за несколько часов.

Из одного из дальних помещений доносились голоса. Фурия узнала голос Федры и Зибенштерна. Он тоже был здесь – должно быть, уже вернулся с корабля. Девочка вдруг поняла, что провела в лагере кучу времени.

Она крепче ухватила петушиную книгу и шагнула в открытый дверной проём. Добрую половину комнаты занимал стол, заваленный огромными бумажными полотнищами, покрытыми сложными узорами и формулами, рядами чисел и заметками, написанными от руки, а также бесчисленными стрелками, указывающими во всех направлениях, и географическими обозначениями.

Вокруг стола стояли Федра Геркулания, Зибенштерн и человек в длинном тёмном пальто, последний – спиной к Фурии. Когда девочка остановилась на пороге, он медленно обернулся, – вероятно, почувствовал её библиомантическую ауру. Должно быть, это и был герцог Ментана, хотя он выглядел не так, как человек, появлявшийся на библиомантических обоях её комнаты, когда она читала «Фантастико...».

Ему, должно быть, было около тридцати лет – моложе, чем персонаж, описанный в книге, и Фурия спросила себя, не носит ли он библиомантическую маску. Иначе как это объяснить? Или – что теоретически тоже было возможно – экслибры Зибенштерна были достаточно могущественными, чтобы омолаживать свой облик? Чем больше девочка размышляла на эту тему, тем более вероятным это ей представлялось.

Фигура Ментаны была внушительной, чёрные как смоль волосы доходили ему до плеч, кроме того, он был гладко выбрит, что вочных убежищах было далеко не само собой разумеющимся. Он олицетворял собой тип итальянского аристократа, а его голубые глаза, казалось, светились, контрастируя с тёмными бровями. Квадратная нижняя челюсть и рельефно вылепленные скулы довершали картину.

– Фурия, – сказала Федра, – хорошо, что ты здесь.

– Стражники не пропускали меня.

– Стражники? – Взгляд Федры омрачился, когда она вопросительно взглянула сначала на Зибенштерна, а затем на герцога.

Губы Ментаны искривились в улыбке.

– Это было сделано по моему приказу. Я счёл нужным проверить силу нашей юной подруги. И её самообладание тоже.

Слова герцога прозвучали как нельзя более свысока, что немедленно напомнило Фурии, что она имеет дело с картинным злодеем из «Фантастико...». Впервые она встретилась с ним между страницами мира, тогда его сопровождала орда чернильных поганок. Как и Изида, Мен-

тана обладал властью открывать портал между Забытыми землями и другими убежищами. После войны вход вочные убежища запечатали лучшие библиоманты Академии, поэтому пробить щёлку в блокаде стоило колоссальных усилий даже таким могущественным существам, как экслибры Зибенштерна.

Переправив Зибенштерна в Забытые земли, Изида несколько дней лежала в коме и только потом начала восстанавливаться. Очевидно, Ментана пришёл в себя быстрее, но Фурия сомневалась в том, что даже у него хватило бы сил, чтобы проделать этот фокус больше двух-трёх раз. Очевидно, герцог тоже был не в состоянии спасти чернильных поганок – может быть, пару дюжин, не более, которые могли выскользнуть из убежищ, пока он держит портал открытым, но точно не всех.

Однако уж Федру-то он мог бы доставить в безопасное место в любой момент. Почему же она всё ещё была здесь? Неужели её приязнь к жителямочных убежищ была настолько велика, что она и дальше готова была рисковать собственной жизнью?

Легендарная праматерь библиомантиki, про которую ходило столько легенд, была, как и большинство жителейочных убежищ, одета в армейские обноски: серый шерстяной свитер со спущенными петлями, спортивные штаны карго, все в пятнах и заплатках. Короткие волосы праматери библиомантиki были цвета лавовых нагромождений, левый глаз налился кровью, а оба зрачка были окаймлены золотым ободком. Ничего подобного Фурия в жизни не видела. Даже если Зибенштерн был прав и эта экслибра была не настоящей праматерью Федрой, а лишь её подобием, выпавшим из мифов, она олицетворяла собой тип женщины, готовой умереть за свои убеждения. Эта Федра уже много лет властвовала вочных убежищах, и каждый прожитый здесь год оставил неизгладимый отпечаток на её лице. Тело её было плотным и жилистым. Только её взгляд выдавал тревогу и озабоченность.

Казалось, Федра осознавала, что шансы её народа выжить стремились к нулю, и была готова ухватиться за любую соломинку, чтобы не допустить этого. И прежде чем разговор продолжился, Фурия отчётливо осознала, *кто* именно был этой последней соломинкой.

– Ладно, мы убедились в том, что ты достаточно сильна, чтобы напугать пару умирающих с голоду чернильных поганок, – сказала Федра, бросая неодобрительный взгляд в сторону герцога. – Может быть, теперь мы приступим к делу? Ведь ты за этим пришла сюда, не так ли?

Должно быть, Зибенштерн сообщил Федре, что Фурия теряет терпение. Был ли их поход к кораблю попыткой ускорить события? Девочка знала, что он строит собственные планы. Но почему он был так уверен в том, что Фурия не выдаст его Федре?

– Чего вы хотите от меня?

Прежде чем кто-то ответил ей, взгляд Фурии упал на зеркало без рамы, висевшее на стене возле двери. Под зеркалом находился маленький рукомойник со ржавым краном. По зеркалу змеилась трещина, его поверхность была испещрена коричневыми пятнами. Тем не менее Фурия как загипнотизированная подошла к нему ближе и стала внимательно рассматривать своё лицо.

– Что случилось? – спросил Зибенштерн.

– Когда я в последний раз видела себя в зеркале, кое-что… произошло. – Фурия в замешательстве подбирала слова. – В зеркале роились буквы, из них состояло моё лицо и тело… Целый муравейник букв.

Она услышала, как за её спиной Федра шумно втянула в себя воздух и спросила:

– Ты это тоже видишь?

Фурия осторожно коснулась зеркальной поверхности кончиками пальцев. Она знала, что выглядела просто ужасно, вся грязная и измождённая, но из зеркала почему-то на неё смотрело её обычное отражение. Не мигающие мелкие буковки, а бледная кожа и светлые волосы, и посреди лица – горящие глаза. Она чуть сама себя не испугалась. Её облик изменился, и девочка задавала себе вопрос: случилось ли это ещё до её встречи с *идеями* или за послед-

ние дни вочных убежищах? Интересно, Федра заметила, что её глаза изменились? Неужели именно поэтому она надеялась, что Фурия сможет помочь чернильным поганкам? И Зибенштерн тоже увидел в её глазах что-то такое, что заставило его поверить, что девочка может стать его соратницей при крушении и новом сотворении мира библиомантиki?

– Тогда ты это тоже видишь. – Федра сама ответила на свой вопрос.

Девочка отвела глаза от своего отражения и обернулась к остальным:

– Теперь уже нет. А что это означает?

Федра и Ментана переглянулись. Герцог отошёл от стола, шагнул к Фурии и крепко взял её за плечи:

– Дай мне взглянуть тебе в глаза.

Она гневно уставилась на него, слишком рассерженная, чтобы, в свою очередь, искать что-то в его глазах. Всего через несколько секунд он выпустил её.

– Так и есть, – произнёс он, вернувшись к Федре. – Она – просветлённая.

Фурия вспомнила, что умирающий экслибр Зибенштерна в резиденции, взглянув на неё, прошептал: «Зеркало», – как будто обнаружил в её глазах что-то, что делало её его союзницей.

– *Liber Incognitus*, – сказала Федра. – Тебе открылось, что ты состоишь из слов в книге, властивущей над всеми нами. В книге, в которой записаны наши судьбы.

– Но каким образом?..

– Иногда просветлённые могут распознать друг друга.

– Зибенштерн выдумал вас обоих. – Фурия обратилась к Федре и Ментане и кивнула в сторону старика, стоявшего рядом. – Вам этого мало?

Герцог наморщил нос.

– Да, если допустить, что и наш создатель – всего лишь персонаж, описанный в другой книге. – Смакуя каждое слово, он повторил: – *Выдумка, как и мы*.

Возможно, эта точка зрения помогала Ментане иметь дело с Зибенштерном, не испытывая трепета перед своим творцом.

– Ты слишком мало знаешь об этом, чтобы по-настоящему верить. – В голосе Федры сквозила убеждённость. – Ну да, ты же и не можешь знать много. Но об этом позже. Давайте обсудим, что мы лично можем сделать, чтобы отсрочить катастрофу. Я полагаю, Зибенштерн всё уже тебе рассказал?

– Я думаю, да.

– *Идеи* уже начали поглощать ночные убежища. Самое позднее через пару дней они доберутся до нашей долины. Никто точно не знает, сколько народу живёт в лагере, может, четыре тысячи человек, может, пять, а может, и больше. Ментана – последний экслибр Зибенштерна, который остался у нас. Пока *идеи* не оказались здесь, он, вероятно, сможет открыть два или три портала, через которые успеет спастись горсточка женщин и детей. Но боюсь, что нам лучше поберечь его силы.

Федра схватила руку Ментаны. Это прикосновение выглядело не как ласка, а как скрепление договора. Почему-то Фурии было неприятно смотреть на это. Она вновь сосредоточилась на золотых ободках вокруг зрачков Федры.

– Это решение далось мне нелегко, но вместо того чтобы спасти малую часть населения ночных убежищ, мы попробуем кое-что другое. И здесь в игру вступаешь ты, Фурия.

Федра выпустила руку Ментаны. Он медленно отступил подальше, чтобы она не могла достать его.

– Я рассчитывала, что у нас ещё есть время, – продолжила Федра. – Это было до того, как *идеи* проникли в ночные убежища. Недавно я послала лазутчика к тебе домой, чтобы выкрасть одну из «Книг творения». – Одиннадцатый том, в котором, по уверению Зибенштерна, определялись судьбы экслибров. Изменить то, что там написано, нам всё равно бы не удалось, но я хотела узнать, что именно там написано.

Старик, стоящий у стола, потупился.

– Я боюсь, что прошло столько времени, что от меня не будет никакого проку. С тех пор, как я в последний раз открывал «Книги творения», прошло более сотни лет. Я давно уже не помню подробностей.

Фурия не была уверена, говорил ли Зибенштерн правду. Не использовал ли он свою забывчивость как предлог для того, чтобы заполучить одну или даже несколько «Книг творения»? С другой стороны, разве кто-нибудь на свете мог бы припомнить каждую подробность двадцатичетырёхтомного труда спустя столько лет?

– В одиннадцатом томе я впервые упомянул экслибров, – продолжил Зибенштерн. – Им посвящена буквально пара страниц, несколько сумбурных идей, не получивших развития. Откуда же мне было знать, что именно эти фразы когда-то будут определять судьбу всего мира библиомантики?..

Может быть, Зибенштерн переигрывал, чтобы убедить Фурию? Он всегда был склонен к пафосу, как в своих романах, так и в реальной жизни. Тем не менее сейчас у девочки было ощущение, что он искренен в каждом слове.

– Если бы я никогда не упоминал экслибров, если бы они в один прекрасный день не начали выпадать из книг, Академии не нужно было бы предпринимать что-то против них. Убежища никогда бы не были построены. Война бы не разразилась вовсе.

– Не обвиняй себя во всех смертных грехах, – сказала Фурия.

– Мир развивается вместе с его обитателями, – вставила Федра. – Не эта война, так какая-нибудь другая… Кто знает, что было бы, если бы история пошла другим путём.

Зибенштерн гневно затряс головой:

– Я допустил преступную небрежность! Пара слов о том, что когда-нибудь в будущем персонажи будут выпадать из книг… Я не отдавал себе отчёта в том, *какие* последствия это обстоятельство может иметь. Нужно было прописать правила, законы, ограничения. Вместо этого я просто не обратил на это внимания. Ирония судьбы заключается в том, что мне нужно было прислушаться к критикам ещё на стадии написания романов. Они упрекали меня в том, что мои произведения слишком схематичны, что они затрагивают слишком много вопросов, что они перегружены идеями. Если бы я учёл эти замечания при написании «Книг творения», мы бы могли избежать множества проблем.

– Если бы да кабы! – пренебрежительно заметил Ментана. – Всё это увёртки для слабаков. Нужно наконец что-то предпринять, а не только посыпать голову пеплом из-за ошибок, совершённых когда-то в прошлом.

Фурия повернулась к Федре:

– Экслибр Зибенштерна, которого ты послала в резиденцию, убил одного из моих друзей.

Федра хотела было что-то ответить, но её опередил Ментана:

– Ему не следовало становиться на пути у нашего лазутчика, тогда с ним бы ничего не случилось. Оба остались бы живы, и твой друг, и наш человек.

– Но он ворвался в чужой дом! – яростно заспорила Фурия. – Он…

– Мы не в состоянии изменить случившееся, – вступила в спор Федра. – Но если бы он попытался объяснить вам свои цели, неужели вы бы отдали ему книгу?

– Всё это ни в коей мере не оправдывает убийства!

– Конечно нет, – кивнула праматерь библиомантиki. – Единственное, что я могу, – это попросить у тебя прощения. Я знаю: это несоизмеримо мало по сравнению с тем, что произошло, но в будущем мы постараемся действовать более осторожно и осмотрительно. В следующий раз мы не будем посыпать чужих.

Фурия недоверчиво вытаращилась на неё. Федра действительно была готова отправить её домой, чтобы переписать «Книги творения»?! Ей нужно будет сделать экслибров полноправными гражданами мира библиомантиki. Зибенштерн ведь тоже хотел, чтобы она переписала

книги, только в его интерпретации речь шла о гораздо более далеко идущих изменениях. И Федре не следовало знать об этом.

«Он всех нас использует, – подумала Фурия. – Ни с одной из нас он не откровенен полностью».

«Я не знаю, Фурия, сочиняли ли мы уже с тобой стихи на одном и том же языке, но, по крайней мере, мы пишем книгу, пишем её вместе», – когда-то написал ей Зибенштерн. Теперь он хотел, чтобы написанное воплотилось в жизнь. Вместе с ней он хотел сам переписать сотворение мира. А план Федры служил ему средством, благодаря которому Фурия должна была заполучить в руки «Книги творения». Старик не собирался спасать экслибров – он хотел вообще бесследно стереть их из истории библиомантиki. В этом случае на свете никогда бы не существовали ни Федра, ни Ментана, ни жители лагеря в долине.

Фурия, безусловно, хотела попасть домой. Однако следовало найти такой способ, чтобы не отдавать Федре и компании «Книги творения».

– Если вы хотите послать меня в резиденцию, я пойду туда. Но одна.

Зибенштерн согласно кивнул, однако Федра возразила:

– Ментана будет сопровождать тебя.

Герцог сорвал с себя воображаемую шляпу в шутовском поклоне перед девочкой.

– Если он пойдёт со мной, кровопролития не избежать, – возразила она. – У него на совести сотни погубленных людей. Я слишком хорошо знаю его историю и не сомневаюсь: при первой возможности он предаст меня. Если это будет в его интересах, он без колебаний выдаст всех нас Академии. Это у него в крови. Я не собираюсь провожать такого человека в святая святых Сопротивления. Но моя совесть будет чиста.

– Ты имеешь в виду ту историю с миланским троном? – спросил Ментана. – Это было давным-давно.

– Фантастико Фантастичелли и его люди боролись с вами до последней капли крови, и у них были на то причины.

С одной стороны, это, конечно, полнейший абсурд – обсуждать события романа, как если бы они происходили на самом деле, и приводить их в качестве аргументов против Ментаны; но с другой стороны, если это был тот самый герцог Ментана из романа, то он действительно совершил все эти преступления в мире, который на тот момент был для него единственным реальным.

– Если бы я и правда был таким чудовищем, – ответил Ментана, – я бы давно заставил тебя выдать мне, где ты спрятала книги. И после этого отправился бы в твоё поместье один и переправил их сюда.

– И кто же тогда будет их переписывать? – спросила Фурия. – Уж точно не я!

– Прекратите оба! – напустилась на них Федра. – Вы пойдёте вместе. Ментана единственный, кто в состоянии открыть портал изочных убежищ наружу. И он будет наблюдать за тобой, Фурия, чтобы тебе случайно не пришло в голову остаться у твоих друзей и наплевать на нас.

Фурия хотела было возразить, но Федра не дала ей открыть рот. В её голосе зазвучал металл. Сейчас в ней заговорил полководец, привыкший отдавать приказы.

– Вы *оба* пройдёте через портал, – повторила она, – и Фурия немедленно внесёт необходимые изменения в «Книги творения», лучше всего прямо там, где они находятся. Если это по каким-либо причинам не получится сделать в резиденции, вы доставите книги сюда и ты перепишешь их здесь.

– Ну допустим, – сказала Фурия. – И что потом?

– Я заберу книги в надёжное место на сохранение.

– И меня вместе с ними? Ты ничего не сможешь сделать с книгами без меня. И чем дальше, тем больше обстоятельств, описанных в книгах, ты захочешь изменить, чтобы мир в

точности соответствовал твоим представлениям. Или, может быть, ты сразу заставишь меня вписать тебя в «Книги творения» в качества творца, чтобы ты получила возможность переписывать их сама?

На мгновение Фурии показалось, что это было бы наилучшим решением, способом раз и навсегда сбросить с собственных плеч груз ответственности. Но с другой стороны, неужели она всерьёз хотела бы, чтобы кто-то другой обладал властью и полномочиями менять этот мир по своему усмотрению? А тем более настолько непредсказуемый человек, как Федра, или, ещё того хуже, Ментана? Она бросила на герцога мрачный взгляд, размышляя: что могло бы произойти, если бы она с «Книгами творения» в руках осталась с ним наедине? Видимо, Федра и Зибенштерн: были не единственными, кто вынашивал на книги свои планы.

Старик ободряюще кивнул Фурии: давай, мол, соглашайся наконец. Если Ментана действительно поможет ей добраться до книг и она перепишет их так, как предлагал ей Зибенштерн, и Федра, и герцог в мгновение ока вернутся в небытие.

— Если я перепишу «Книги творения», — сказала Фурия, — я изменю правила, по которым устроен этот мир, и тем самым изменю прошлое. Это может иметь последствия, которые не в состоянии предвидеть никто из нас.

— Мы вынуждены идти на этот риск, — ответила Федра. — Позже у тебя будет возможность доработать детали, исправить ошибки или отменить события, если это, конечно, понадобится.

— Но это же безумие! Если я изменю историю экслибров, скорее всего, я отменю не только события, но и, весьма вероятно, отправлю в небытие чернильных поганок, живущих там, в лагере! Ведь они все являются потомками экслибров, изгнанных в убежище. Если изгнание не состоится, все те, кто сейчас ютится в лагере, может быть, даже не появятся на свет!

— Не появятся на свет *чернильными поганками*, — уточнила Федра. — Диковинными тварями, которыми они являются сейчас. Но если ты внесёшь в «Книги творения» нужные исправления, они всё равно появятся на свет где-то ещё и будут здоровы и счастливы.

— Но ты не можешь быть в этом уверена! Ты просто надеешься на это и цепляешься за эту надежду как за соломинку.

Зибенштерн откашлялся:

— Вероятнее всего, нам придётся пойти на этот риск.

Охотнее всего Фурия бросила бы ему в лицо, чтобы он наконец заткнулся, а то она расскажет Федре о том, что на самом деле старик планировал отправить в небытие всех экслибров. Но в итоге это бы только всё усложнило. Фурия знала истинные мотивы его действий. Она опасалась не Зибенштерна и даже, наверное, не Федры, а герцога Ментаны. Получается, она вынуждена была доверить ему не только свою жизнь, но и жизни всех обитателей мира библиомантики. Ему — и никому другому.

— Я должна подумать, — сказала она.

— Подумать?! — Федра уставилась на неё, как будто Фурия только что сообщила им, что собирается устроить себе каникулы на пару недель.

— Хватит болтать языком! — заявил герцог. — У нас есть план, и мы будем действовать по нему.

Федра смерила Фурию презрительным взглядом: казалось, её зрачки с золотыми ободками сканировали девочку, как рентгеновские лучи. — Я считала, что ты значительно разумнее.

— Я же не говорю, что *вообще* не собираюсь переписывать «Книги творения», — возразила Фурия. — Но мне действительно нужно подумать. Дайте мне пару часов.

— Фурия, пожалуйста!.. — начал было Зибенштерн.

— Ни минуты на размышление! — прогремел Ментана, не привыкший, чтобы ему возражали, и уж тем более чтобы ему возражали шестнадцатилетние девчонки. — Мы отправляемся вместе в путь! Ты и я!

Федра тоже открыла было рот, чтобы что-то сказать, но в ту же секунду Фурия повернулась на носках и ринулась прочь из комнаты. Пробегая по коридору к открытой двери, ведущей из бункера наружу, она услышала, как сзади ругается Ментана.

– Догони её! – велела Федра. – Догони и приведи обратно!

Глава десятая

Фурия направилась не в гору, хотя это был кратчайший путь к «Флёр де Мари», – слишком много чернильных поганок охраняли костры на подступах к кораблю. Вместо этого она перемахнула через стену, сложенную из скальных обломков, и с грохотом сползла по склону в облаке пыли. Она очень боялась переломать себе ноги в темноте и не следила за тем, где находится её преследователь. Ментана не отставал от неё ни на шаг. Она ощущала его ауру библиомантиki, но, вероятно, пыль неплохо маскировала её. Герцог видел, в каком направлении она двигалась, но уж точно не мог разглядеть среди ночи в туче поднятой пыли.

Спустившись к основанию холма, Фурия споткнулась о выступающий камень, однако смогла удержаться на ногах. До лабиринта лагерных ходов и переходов оставалось совсем немного. Перед ней поднимался к небу дым многочисленных костров, начинала чувствоватьться уже знакомая вонь.

Сзади что-то зашуршало и захлопало.

Ментана преследовал девочку уже не пешком. На равнине она осмелилась бросить взгляд назад – и заметила силуэт с разевающимися полами пальто высоко в ночном небе, на фоне красно-коричневой рваной раны, нанесённой *идеями*. Выпрямившись в воздухе, герцог летел высоко над пыльной землёй.

– Вот сейчас он нас и сцепает! – прохрипела петушиная книга.

– А-а, ты умеешь говорить? Как мило!

– И что мне надо было сказать там, внутри? – Голос петушиной книги звучал обиженно. – Они там все страдают манией величия, один хуже другого.

– Насчёт Федры я не уверена.

Слова вырывались из губ Фурии вместе с прерывистым дыханием. В горло попала пыль, она закашлялась. Тем не менее она по-прежнему бежала изо всех сил. Хлопанье приближалось: герцог практически нависал над ней.

Несмотря на темноту, Фурия разглядела лаз, через который прокралась в лагерь во время своего первого визита. Ночной ветер трепал пологи из кроличьих шкурок, ворошил старые брезентовые полотнища в лагерных проходах. Если бы Фурии удалось юркнуть под них, Ментана не смог бы отслеживать её путь с воздуха.

– Фурия! – крикнул Ментана. – Стой!

Десять метров. Мгновение Фурия размышляла – не попробовать ли ей самой подняться над землёй? – но в воздухе Ментана, без сомнения, был в тысячу раз опытнее её. Да и куда ей лететь? Сколько она вообще сможет пролететь? Возле остова корабля ей удалось удержаться в воздухе всего несколько секунд. Нет, на земле, в самой гуще чернильных поганок, она чувствовала себя значительно уверенней.

– Быстрее! – завизжала петушиная книга. Вёрткая шея высунулась из кармана, в котором лежала книга, подскакивая при каждом шаге.

Фурия почувствовала, как сверху на неё спускается чужая аура библиомантиki. Она молниеносно крутанулась на пятке и выпустила в противника ударную волну из своей сердечной книги.

Будучи экслибром Зибенштерна, Ментана обладал даром библиомантиki, во много раз превышавшим дар Фурии. Однако дерзость, с которой действовала девочка, захватила его врасплох: его отбросило назад, и на секунду он потерял равновесие.

– Ох и разозлился же он, наверное! – заметила петушиная книга.

От крытого прохода Фурию отделяло не более пяти шагов, когда в лагерной темноте возник светлый силуэт, поманивший её к себе. Было слишком темно, чтобы различить черты лица, но девочка узнала голос.

– Сюда! – Восьмой сын яростно жестикулировал обеими руками.
Ещё три шага.

Каменистая поверхность под ногами девочки вдруг взорвалась под напором ударной волны, ринувшейся на неё сверху. Пыльная завеса окутала Фурию, лишив её возможности ориентироваться в пространстве. Девочка не могла различить ни глубины, ни ширины зиявшей перед ней ямы. Если она сейчас потеряет время, Ментана сцепает её. Фурия оттолкнулась от земли и прыгнула в неизвестность – так далеко, насколько хватило сил.

Герцог снова выкрикнул её имя, но девочка не смогла определить направление, откуда раздался его голос. Казалось, голос Ментаны звучал со всех сторон одновременно, пока Фурия, задержав дыхание, летела через облако пыли, надеясь допрыгнуть до другой стороны ямы. На мгновение, показавшееся ей бесконечностью, она потеряла ориентацию в пространстве и была уверена, что уже падает глубоко вниз, в шахту, которую удар Ментаны пробил в толще скалы.

Почувствовав наконец под ногами твёрдую землю, Фурия застонала от облегчения. Сила прыжка едва не поволокла её дальше. Она бы упала, если бы её не подхватили чьи-то руки, костлявые и тонкие, как прутья.

В воздухе снова прозвучал зов Ментаны, на этот раз прямо у неё над головой. Одновременно петушиная книга испустила жалобный вопль.

Восьмой сын крепко держал Фурию, не давая ей упасть, хотя мальчик был значительно ниже неё и очень истощён.

– Иди за мной! – позвал он девочку.

Они вбежали в проход, но уже через несколько шагов мальчик потащил Фурию вправо, потом, откинув брезент, влево. Здесь царила практически абсолютная тьма. Много раз влажная ткань и шкурки хлестали по лицу Фурии, и как минимум дважды она споткнулась о чьи-то тела. Слепо положившись на Восьмого сына, она следовала за ним не раздумывая.

В какой-то момент Фурия заметила, что мальчик больше не один. В темноте она рассыпалась девчачий голос – должно быть, это была Вторая дочь. Наверное, они оба всё это время ждали её на краю лагеря.

Совсем рядом закудахтали куры, потом заблеяли козы. Ага, значит, чернильные поганки держали скот! Должно быть, это были потомки животных, перевезённых вочные убежища сорок лет назад для того, чтобы обеспечивать библиомантов пищей.

По мере того как брат и сестра вели Фурию по узким улицам, лазам и проходам лагеря, её глаза привыкали к темноте.

– Герцог не ушёл! – крикнула петушиная книга и охнула, когда Фурия обо что-то удалилась.

– Я знаю. – Фурия и сама чувствовала его присутствие, но сомневалась в том, что он преследует их пешком. Вероятнее всего, он продолжал парить в воздухе над лагерем и пытался распознать её ауру под бесчисленными брезентовыми крышами.

Ребята снова прошли через одно из каменных иглу, знакомых Фурии по её первому визиту в лагерь.

– Подождите! Не ведите меня к остальным!

Вторая дочь и Восьмой сын остановились. Мальчик покачал головой:

– Здесь есть много места. И в земле тоже – щели, ямы, пещеры.

Фурия не хотела скрываться от Ментаны в каком-нибудь сыром гроте. Им всем катастрофически не хватало времени. *Идеи* поглощали целые горные хребты и неотвратимо приближались к долине, где находился лагерь.

– Книга… – выдавила она, запыхавшись и кашляя. – Книга вашего брата… Она с корабля? Вы тогда сказали: *Буквенная Мария*. Вы ведь имели в виду корабль? Да?

– *Буквенная Мария* вывела её из кромеинной тьмы туда, где сияет вечный день, – повторил Третий сын.

– Вы вынесли книгу оттуда? – не отступала Фурия.

Мальчик и девочка переглянулись.

– Я знаю, что туда никому нельзя заходить… Но ведь вы были там, правда? Вы знаете, как пробраться внутрь!

Восьмой сын внимательно посмотрел на неё. Внезапно его голова дёрнулась. Каменный купол затрясся от мощного удара снаружи.

– Ах ты, чёрт! – Фурия вновь ощущала присутствие Ментана. Его аура проникала сквозь щели между каменными глыбами, нагромождёнными друг на друга.

Ребята выбежали из-под купола в крытый проход. За их спинами верх купола разлетелся, словно от взрыва, камни посыпались на брезентовые крыши лагеря.

– Этот не такой, как она! – закричала Вторая дочь, вероятно, имея в виду Федру. – Этот злой!

Возможно, Ментана действительно не отличался добротой. Или он считал, что при данных обстоятельствах поступает единственно правильно. Тем не менее Фурия ото всей души пожелала ему провалиться на месте. Обычного человека ей удалось бы сбить со следа с помощью библиомантики, но Ментана был слишком силён, и любая попытка сопротивления немедленно выдала бы ему её местонахождение.

Фурия слышала, как он завопил от ярости, когда понял, что ей вновь удалось улизнуть от него. Брат и сестра, молниеносно схватив девочку за руки, потянули её за собой сначала направо, потом налево, меняя направление и путая следы. Если бы Ментана совершил ошибку и решил преследовать её, передвигаясь по земле, она впервые оказалась бы в выигрышном положении.

Фурия уже давно не ориентировалась, в каком направлении они двигались. Восьмой сын бежал перед ней, Вторая дочь – за ними. Встречаясь в темноте с другими чернильными поганками, девочка угадывала очертания обезображеных лиц. Никто не пытался их остановить.

– Фу-урия!

Она ощущала гнев герцога и боялась, что он разнесёт половину лагеря, если не найдёт её в ближайшее время.

– Вот! – крикнул Восьмой сын, указывая на отверстие в земле.

Для Фурии это было лишь тёмное пятно в полумраке. Вероятно, она свалилась бы туда, если бы бежала по проходу одна.

Вторая дочь пнула ногой верёвочную лестницу, лежавшую рядом с ямой. Постукивая, в глубину упали деревянные ступеньки.

– Я не хочу прятаться. – Фурия покачала головой.

– Я знаю, – возразил Восьмой сын. – Ты хочешь туда, где книги.

Вторая дочь проворно перелезла через каменный край ямы и ловко повисла на верёвочной лестнице, поглядывая на Фурию, словно привидение с маленькими чёрными глазами.

– Мы тебя проведём, – сказала она.

Восьмой сын взял руку Фурии и сжал её:

– Мы проведём тебя на корабль.

Глава одиннадцатая

Джим Хокинс лежал в своей постели в резиденции. Ему снился стук, раздававшийся по коридору. Ритмичный гулкий стук, источник которого медленно приближался к нему.

Стук этот был знаком Джиму слишком хорошо. Прежде, когда он раздавался с палубы «Испаньолы», мальчику приходилось слышать его неделями, изо дня в день, особенно по ночам. Иногда стук замолкал на несколько минут или даже часов, но затем неизменно возобновлялся – в рваном ритме, от одного борта корабля к другому. Шаги пирата, передвигающегося с костылём на деревянной ноге.

На лбу Джима выступила испарина. Он заметался во сне, когда человек с костылём, неспешно прохромав по коридору, остановился возле его двери. Потом ненадолго всё затихло, как затихало и тогда, на палубе, пока одногий пират рассеянно скользил взором по ночному океану.

Наконец снова раздался стук, но не по паркету, а кулаком в дверь.

«Мальчик! – прогремел голос по ту сторону двери. – Мальчик!»

В этот момент Джим проснулся, как просыпался каждую ночь.

Через раздвинутые шторы в комнату падал лунный свет. Джим никогда не задёргивал их, чтобы ни один угол комнаты не погружался в полную темноту, и прежде всего – чтобы была видна дверь. В полусне Джиму казалось, что иначе одногий пират однажды выступит из этой темноты, словно из тумана, и, как только Джим откроет глаза, Сильвер появится перед его кроватью, опираясь на свой костыль, схватит его и снова хрипло и угрожающе прошепчет: «Мальчик!»

Казалось, в этом шёпоте была заключена вся история, связывавшая их, – история о предательстве, ещё одном предательстве и смерти, разыгравшаяся на борту шхуны «Испаньола» во влажных, непроходимых зарослях Острова Сокровищ.

Мальчик сел в постели, сонно оглядел комнату и убедился, что, кроме него самого, в ней никого не было. Одногий Джон Сильвер и Джим сначала доверяли друг другу, затем стали смертельными врагами, достигнув в конце концов странного баланса доверия и ненависти. Однако Сильвер даже не знал, что Джим выпал из книги, и, вероятно, по-прежнему влажил своё существование между английскими матросскими трактирщиками и забытым островом где-то посреди тропического океана.

Если Сильвер сам не стал экслибром. В этом случае он тоже скитался где-то в этом мире и, возможно, искал именно мальчика, чьи поступки когда-то перечеркнули его планы. С тех пор как Джима приютила баронесса Химмель, прошло более трёх лет. Её он в конце концов тоже предал: она не оставила ему выбора. Только оказавшись в резиденции среди мятеожников, Джим ощущал себя по-настоящему свободным. Он старался быть полезным везде, где только мог, присматривал за маленьким Пипом и с нетерпением ждал новостей от Изиды и Дункана, которые отправились на поиски сестры Пипа, Фурии. Однако никто не неволил его, не удерживал, не предъявлял ему требований: он мог в любое время уйти или оставаться… если бы не стук костиля, тревоживший его ночами. Глухой неотвратимый стук, раздававшийся в коридоре и замолкающий перед его дверью.

«Мальчик!»

Вопреки здравому смыслу Джим должен был собственными глазами убедиться, что одногого Джона Сильвера здесь нет. Он спустил ноги из-под одеяла на пол, посидел ещё минуту, протирая глаза. Днём он практически не вспоминал о Сильвере и о прошлом вообще, однако по ночам воспоминания появлялись перед ним, словно клубы дыма из паркетных щелей, тянули к нему свои призрачные лапы и нависали над его головой даже после пробуждения, прежде чем окончательно убраться восвояси.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочтите эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.